

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1 (16)

2024

*В. Ю. Даренский, В. А. Котельников, М. В. Медоваров,
А. Ю. Минаков, Г. Н. Самуилов, Р. Лебрён,
Х. М. Н. Суарес, И. Б. Гаврилов*

Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г.

УДК 1(44)(091)(049.3)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_24
EDN WKCHBS

Аннотация: Публикуются материалы докладов, представленных 7 ноября 2023 г. на Международной научной конференции «Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя», организованной и проведенной научным проектом Санкт-Петербургской духовной академии «Византийский кабинет» совместно с Факультетом французского языка Московского государственного лингвистического университета. В конференции приняли участие ведущие отечественные и зарубежные исследователи жизни и творчества Ж. де Местра, осветившие отдельные аспекты его интеллектуальной биографии, философского наследия, влияния на русскую мысль, а также проблемы развития и современного состояния посвященных ему научных исследований во всем мире. Мыслитель, как крупнейшая в идейном отношении фигура европейского консерватизма, которая не может снижать однозначные оценки, рассматривается в формате *pro et contra*. Публикация позволяет составить разностороннее представление о философии Ж. де Местра и неоспоримо свидетельствует об актуальности его идей и необходимости продолжать их исследование.

Ключевые слова: консерватизм, французский консерватизм, католический консерватизм, интегральный традиционализм, Жозеф де Местр, «Санкт-Петербургские вечера», осмысление Французской революции, критика Нового времени, реакция, контрреволюция, антилиберализм, ультрамонтанство, провиденциализм, метафизика наказания, политическая теология, метафизическая историософия, философическая история, античная философия, проповедь католицизма в России, эпоха Александра I, критика галломании, русский консерватизм.

Об авторах: **Виталий Юрьевич Даренский**

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Владимир Алексеевич Котельников

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук.

E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

Максим Викторович Медоваров

Кандидат исторических наук, доцент, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9921-2219>

Аркадий Юрьевич Минаков

Доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Воронежского отделения Российского исторического общества.

E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-1856>

Геннадий Николаевич Самуйлов

Кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета, доцент Сретенской духовной академии

E-mail: samouil@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2548-4007>

Ричард Лебрён

Почетный профессор (Факультет искусств, департамент истории, Университет Манитобы, Виннипег).

E-mail: drrichardlebrun@gmail.com

Хосе Мигель Нанни Суарес

Доктор философских наук (Университет Сан-Паулу, Бразилия).

E-mail: miguelnanni@uol.com.br

Игорь Борисович Гаврилов

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Для цитирования: Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуйлов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б. Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (16)

2024

*Vitaly Yu. Darensky, Vladimir A. Kotelnikov, Maksim V. Medovarov,
Arkady Yu. Minakov, Gennady N. Samuylov, Richard Lebrun,
José Miguel Nanni Soares, Igor B. Gavrilov*

Joseph de Maistre (1753–1821) and Russian thought: on the 270th anniversary of the Savoyarde religious thinker. Materials of the International Conference of the SPbTA scientific project “Byzantine Cabinet”, held on November 7, 2023

UDC 1(44)(091)(049.3)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_24
EDN WKCHBS

Abstract: The materials of the reports presented on November 7, 2023 at the International Scientific Conference “Joseph de Maistre (1753–1821) and Russian thought: on the 270th anniversary of the Savoyard religious thinker”, organized and conducted by the scientific project of the St. Petersburg Theological Academy “Byzantine Cabinet” are published. jointly with the Faculty of French Language of the Moscow State Linguistic University. The conference was attended by leading domestic and foreign researchers of the life and work of J. de Maistre, who highlighted certain aspects of his intellectual biography, philosophical heritage, influence on Russian thought, as well as problems of development and the current state of scientific research devoted to him in all over the world. The thinker, as the ideologically largest figure of European conservatism, who cannot achieve unambiguous assessments, is considered in a pro et contra format. The publication allows us to get a comprehensive understanding of the philosophy of J. de Maistre and indisputably demonstrates the relevance of his ideas and the need to continue their research.

Keywords: conservatism, French conservatism, Catholic conservatism, integral traditionalism, Joseph de Maistre, “St. Petersburg Evenings”, understanding of the French Revolution, criticism of the New Age, reaction, counter-revolution, anti-liberalism, ultramontanism, providentialism, metaphysics of punishment, political theology, metaphysical historiography, philosophical history, ancient philosophy, preaching Catholicism in Russia, the era of Alexander I, criticism of Gallomania, Russian conservatism.

About the authors: **Vitaly Yurievich Darensky**

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Vladimir Alekseevich Kotelnikov

Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of the Russian Literature (Pushkinsky Dom) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5135-6782>

Maksim Viktorovich Medovarov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University.

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9921-2219>

Arkady Yurievich Minakov

Doctor of Historical Sciences, Professor of Voronezh State University, head of the Voronezh branch of the Russian Historical Society.

E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-1856>

Gennady Nikolaevich Samuylov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophical Sciences of Moscow State Linguistic University, Associate Professor of Sretensky Theological Academy (Moscow).

E-mail: samouil@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2548-4007>

Richard Lebrun

Professor Emeritus (Faculty of Arts Department of History University of Manitoba Winnipeg).

E-mail: drrichardlebrun@gmail.com

José Miguel Nanni Soares

PhD in Social History (University of São Paulo), independent researcher.

E-mail: miguelnanni@uol.com.br

Igor Borisovich Gavrilov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

For citation: Darensky V. Yu., Kotelnikov V. A., Medovarov M. V., Minakov A. Yu., Samuylov G. N., Lebrun R., Soares J. M. N., Gavrilov I. B. Joseph de Maistre (1753–1821) and Russian thought: on the 270th anniversary of the Savoyarde religious thinker. Materials of the International Conference of the SPbTA scientific project “Byzantine Cabinet”, held on November 7, 2023. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 1 (16), pp. 24–64.

И. Б. Гаврилов: Об актуальности философского наследия Жозефа де Местра

В 2023 г. исполнилось 270 лет со дня рождения выдающегося савойского франкоязычного католического философа, литератора, дипломата Жозефа де Местра (1753–1821), оказавшего значительное влияние на западноевропейскую и русскую философскую мысль. Отмечаемый юбилей побудил обратиться к анализу его огромного и малоизученного в России литературного наследия и к рассмотрению его яркой личности и богатой интеллектуальной биографии.

Жозеф де Местр — представитель аристократического рода, встретивший Французскую революцию в Савойе, находившейся под властью Сардинского королевства, что позволило ему занять по отношению к революционным событиям позицию «заинтересованного наблюдателя». Революция произвела в нем глубочайшее внутреннее потрясение — религиозно-философское осмысление ее опыта станет центральной темой интеллектуального творчества де Местра. Будучи философом-провиденциалистом, в книге «Рассуждения о Франции» (1796) он оценил Французскую революцию как воплощение Божественного замысла об очищении государства от выродившихся элементов — либерального дворянства и духовенства, заразившихся богопротивной «чумой» Просвещения. Именно идеи последнего, как мировоззренческая основа кровавого политического переворота, стали главной мишенью католического философа, стремившегося разоблачить ложные с его точки зрения постулаты, сыгравшие фатальную роль в судьбах европейской цивилизации.

Так, де Местр выступил блестящим критиком просвещенческого, по сей день лежащего в основе «демократического» политического устройства и общественных отношений европейских государств, понятия об абстрактном «общечеловеке». Он писал: «Вы желаете равенства между людьми потому, что вы ошибочно считаете их одинаковыми... Выдуманного вами общечеловека нигде на свете не увидишь, ибо его в природе не существует. Я встречал на своем веку французов, итальянцев, русских и т.д.; благодаря Монтескье я знаю, что можно быть даже персиянином, но я решительно вам объявляю, что сочиненного вами человека я не встречал ни разу в жизни...»¹ Рационалистической «вере в прогресс» и в «идеальные политические проекты» консервативный католический мыслитель противопоставил нестареющие традиционные ценности: веру в Божественное Провидение, опирающийся на исторический опыт здравый смысл, принцип органического развития, учитывающий самобытные культурные традиции каждого общества. Таким образом, наряду с Э. Берком и Р. Шатобрианом, Ж. де Местр является основоположником философии европейского консерватизма, крупнейшим консерваторм в истории западной философии.

Особая страница в жизни и творчестве Жозефа де Местра связана с Россией, в которой он провел почти 15 лет в качестве посланника сардинского короля при дворе императора Александра I. Именно в нашей стране мыслителем были написаны большинство его значительных философских сочинений: «Опыт о порождающем принципе политических установлений и других человеческих учреждений» (1809), «Пять писем к графу Разумовскому о народном образовании в России» (1810), «Опыт о всеобщем начале политических конституций и иных человеческих установлений» (1810), «Эссе об отсрочке Божественного Правосудия в наказании виновных» (1815, рус. пер. 2017), «Четыре главы о России» (1811), «Письма к русскому дворянину об испанской инквизиции» (опубл. в 1822, рус. пер. 2007) и др.; начаты важнейшие труды «О папе» (1819) и «Санкт-Петербургские вечера, или Земное правление Провидения» (1821, рус. пер. 1998).

Закономерно, что влияние столь значимой в идейном отношении фигуры в России испытали представители самых разных философских и политических движений: западник и филокатолик П. Я. Чаадаев; декабрист М. С. Лунин;

¹ Соловьев В. С. Жозеф де Местр. URL: http://yakov.works/library/18_s/solovyov/10_429.html (дата обращения: 15.01.2024).

славянофилы К. С. Аксаков, И. В. Киреевский и И. С. Аксаков; консервативные мыслители С. С. Уваров², М. Н. Катков³, Ф. И. Тютчев и К. Н. Леонтьев; литературные классики Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой; идеалисты В. С. Соловьев и Н. А. Бердяев; философ-евразиец Л. П. Карсавин и мн. др.

Тем не менее, восхищаясь умом и красноречием петербургского «Вольтера наизнанку», как называли Ж. де Местра, русские современники отмечали крайне поверхностный характер его знакомства с Православием: «...в своем кабинете он исследовал и пытался перевести наши учебники по богословию и обрядам; однако он предпочитал быть, что называется, tête-à-tête с Церковью, которую называл национальной и которую надеялся узнать, не затрачивая лишних усилий»⁴. Не избежал савойский граф и типичного европейского превозношения по отношению к русским, о чем свидетельствует, в частности, его переписка с собственным королем Виктором-Эммануилом I: «Русские недовольны своим государем, но ведь они всего лишь прелюбопытные дикари»; «...у русских от зрелых мужей есть только те качества, которые относятся к употреблению штыва, во всем остальном они — сущие дети»⁵.

Таким образом, Жозеф де Местр, как и любая крупная в идейном отношении фигура, безусловно, не может снискать однозначную оценку и должен рассматриваться в формате *pro et contra*. С одной стороны, его крайне актуальные в наши дни консервативные мысли и теории, особо ценные как порождения гениального западного ума, заслуживают пристального внимания. А с другой — с рядом его идей, которые обличают в нем самом определенную непоследовательность, православная мысль согласиться не может. Но все его богатейшее наследие побуждает, отталкиваясь от него, изучая и развивая его и полемизируя с ним, выходить на новые уровни осмысления ключевых проблем и вызовов современности.

Отдавая дань памяти выдающегося европейского консервативного философа и сознавая важность и своевременность обращения к его трудам, 7 ноября 2023 г. научный проект Санкт-Петербургской духовной академии «Византийский кабинет» совместно с Факультетом французского языка Московского государственного лингвистического университета организовали и провели Международную научную конференцию «Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя»⁶. На конференции выступили с докладами ведущие российские

² В 1937 г. в «Литературном наследии» была впервые опубликована переписка Ж. де Местра с С. С. Уваровым, из которой очевидно, что консервативные воззрения де Местра оказали сильное воздействие на молодого Уварова, подвигнув его к заметному «поправению» и осознанию особого пути России. Позже это выразилось в сформулированной Уваровым тройственной идеологической формуле «Православие. Самодержавие. Народность». См. подробнее: *Гаврилов И. Б., Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мироззрение* // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 2 (4). С. 131–191.

³ См.: *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков. Жизнь. Труды. Мироззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 136–177.

⁴ *Дегтярева М. И.* Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России: дис. ... доктора философских наук. М., 2009. С. 69.

⁵ Там же. С. 296.

⁶ Конференция продолжила традицию проведения научных дискуссий, приуроченных к памятным датам в истории отечественной и мировой религиозно-философской мысли. См.: *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355; *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): *pro et contra*. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175; *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И.* «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию

и зарубежные исследователи жизни и творчества Ж. де Местра, рассмотревшие отдельные аспекты его интеллектуальной биографии, философского наследия, влияния на русскую мысль, а также проблемы развития и современного состояния посвященных ему исследований во всем мире.

Прозвучали вступительные слова: руководителя научного проекта «Византийский кабинет», кандидата философских наук, доцента кафедры богословия, заведующего кафедрой иностранных языков СПбДА, главного редактора научного журнала СПбДА «Труды и переводы» свящ. Игоря Иванова; заместителя руководителя «Византийского кабинета», кандидата философских наук, доцента кафедры богословия СПбДА, главного редактора научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» Игоря Борисовича Гаврилова («Об актуальности философского наследия Жозефа де Местра»).

Были представлены доклады зарубежных ученых: старейшего и авторитетнейшего канадского исследователя, автора многочисленных книг о Ж. де Местре и переводов его сочинений, почетного профессора Университета Манитобы Ричарда Лебрёна («Размышления о моей первой книге „Трон и алтарь: Политическая и религиозная мысль Жозефа де Местра“»); его коллеги и соратницы над многими посвященными де Местру изданиями, профессора Папского католического университета Мадре и Маэстра в Доминиканской Республике Каролины Арментерос («О значении XVIII в. в провиденциалистской истории Жозефа де Местра»); их бразильского коллеги, автора готовящегося выйти в свет исследования о консервативных воззрениях де Местра, доктора философских наук из Университета Сан-Паулу Хосе Мигеля Нанни Суареса («Размышления о книге „Жозеф де Местр: Великая французская революция и Новое время глазами католика-гуманиста“»); доктора философских наук из Университета Париж III Новая Сорбонна (Франция) и Фрибургского университета (Швейцария) Янниса Константинидеса («Жозеф де Местр в России. „Жизнь вдали от родины“ как условие для открытия самого себя (самопознания)»); доктора филологических наук, профессора Марка Фруадефона (Франция) («Теология Жозефа де Местра»).

Выступили также российские ученые: отечественный исследователь де Местра, кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета и доцент Сретенской духовной академии Геннадий Николаевич Самуйлов («Античная философия и Жозеф де Местр»); ведущие исследователи истории русской мысли и русского консерватизма: доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета Аркадий

кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166; Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50; Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А. Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52; Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б. Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48; Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А. Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35; Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б. «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175.

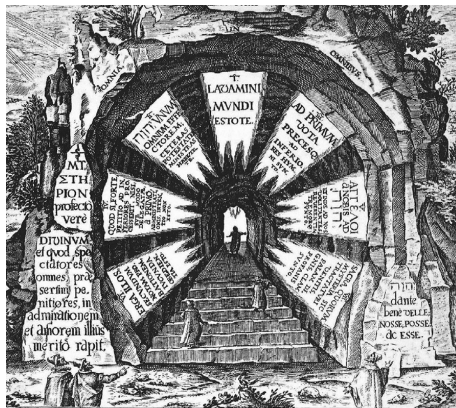
Юрьевич Минаков («Русские сюжеты в биографии Жозефа де Местра»); доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского Виталий Юрьевич Даренский («„Философическая история“ человечества: от Фабра д’Оливе к Ж. де Местру»); доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук Владимир Алексеевич Котельников («Жозеф де Местр — „пламенный реакционер“», заочно); кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Максим Викторович Медоваров («Жозеф де Местр в судьбах русской мысли», заочно).

Ниже публикуются материалы некоторых прозвучавших на конференции докладов, которые вполне отражают заявленную идею формата pro et contra и позволяют составить разностороннее представление о философии Жозефа де Местра, в то же время неоспоримо свидетельствуя об актуальности его идей и необходимости продолжить их исследование на страницах «Русско-Византийского вестника».

В. Ю. Даренский: «Философическая история» человечества: от Фабра д’Оливе к Ж. де Местру

Разрушение традиционного общества, символически выраженное в событиях и идеологии Французской революции, спровоцировало философов к осмыслению метафизических оснований Истории и ее универсальных онтологических структур. Фабр д’Оливе ввел понятие «философической истории», то есть рассмотрения эмпирической истории с точки зрения воплощения в ней этих структур и оснований, которые он обобщил до трех: Сущность, Судьба и Воля. В частности, «формы, которые образуют культы, могут принадлежать Судьбе, как и Воле; Сущность всегда провиденциальна и ведет к Теократии». Его идеал и конечная цель истории состоят в теократии под главенством папы: «Верховный Понтифик тогда делается сосудом Провидения и его представителем на земле; в своих руках он будет держать столь желанную связующую нить, которая соединит три силы в одну и надолго удержит Вселенную в нерушимом мире»⁷. Соответственно, все отклонения от этого идеала разрушительны и есть анти-история.

Труды Жозефа де Местра — вершина французской метафизической историософии. Он также вернулся к средневековому пониманию Истории как результата действия Божиего Промысла и благодати в делах людей, а события Нового времени трактовал как бунт человека против Бога, за которой он несет неизбежное наказание в виде войн и революций. Помимо благодати Божией, вторым главным фактором исторического процесса он считает бедствия человеческой жизни, которые оцениваются

Антуан
ФАБРА Д’ОЛИВЕ

•
ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА
ИЛИ ЧЕЛОВЕКА
•

Современное российское издание
труда Фабра д’Оливе
«Философическая история
Человеческого рода»

⁷ Фабр д’Оливе А. Философическая история Человеческого рода. СПб.: Алетейя, 2018. С. 404.

исключительно позитивно: «Будь человек избавлен в этом мире от всех несчастий, он, в конце концов, вырожден бы и одичал до такой степени, что совершенно забыл бы все небесное и даже Самого Бога. Да и как, скажите на милость, мог бы он тогда помыслить о высшем порядке вещей, если даже в том мире, где живем мы ныне, все удручающие нас несчастья не способны разрушить обманчивые чары этой жалкой жизни?»⁸ На этом основании он оправдывает войны как форму божественного вмешательства в историю с целью наказания грешников и воспитания народов в подвиге, благочестии и смирении.

С чисто философской точки зрения главная ценность этой традиции состоит в том, что фактически впервые после блж. Августина она мыслит исторический процесс как *борьбу духовных сил*. При этом исходным мотивом исторических свершений является антропологический фактор — борьба благодати и греха в человеческой душе. Ж. де Местр даже сам ум человека мыслит в этом контексте, когда пишет «об ужасной — но более чем реальной — способности человека в той или иной степени уничтожать врожденные ему идеи и передавать эту порчу по наследству»⁹. Тем самым, создателей «философической истории» следует рассматривать как первых христианских историософов Нового времени, дело которых затем было продолжено русскими славянофилами и их последователями.

Ценность французской традиции «философической истории» состоит в выражении в ней аутентичного христианского понимания истории и в анализе истории Нового времени не с точки зрения неоязыческого мифа о прогрессе, а с точки зрения христианского понимания человеческой жизни.

В. А. Котельников: Жозеф де Местр — «пламенный реакционер»

Жозеф де Местр. Худ. П. Буйон, гравер Ф. Ле Виллен, 1821 г.

Так Н. А. Бердяев назвал Жозефа де Местра в «Новом Средневековье». Тогда, спустя семь лет после Октябрьской революции, философ полагал, что «очень полезно в наши дни напомнить об идеях» этого деятеля с «устрашающей репутацией»¹⁰.

Напомнить о Ж. де Местре полезно и в дни нынешние — хотя бы новым изданием не только уже известных в России, но и еще не появлявшихся на русском языке его сочинений. Во всяком случае ради объективности нашего знания о контрреволюционной Европе¹¹ наследие Ж. де Местра стоило бы перевести, прокомментировать и издать с должной полнотой.

Впрочем, в особых напоминаниях де Местр не нуждается. О нем никогда не забывало то направление социально-политической мысли, которое уже в XIX в. противостояло воцарению постхристианской цивилизации, разрушению государственных, общественных и культурных иерархий. Для России эта фигура, олицетворявшая идеи церковного

⁸ Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетей, 1998. С. 425.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Бердяев Н. А. Новое Средневековье // *Его же*. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 450–451.

¹¹ О де Местре на этом фоне см.: Шибунин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925.

и светского абсолютизма в их самом радикальном выражении, получила особое значение, тем более что судьба привела де Местра в Петербург, где в течение четырнадцати лет, общаясь с первыми лицами империи и столичной аристократией, он создал все свои основные труды.

Родившийся 1 апреля 1753 г. в Шамбери Жозеф Мари де Местр принадлежал к ветви лангедокского графского рода, переселившейся в XVII в. в Савойю¹², которая с 1720 г. составляла часть Сардинского королевства. Отец его был президентом савойского сената и управляющим государственными имуществами. Жозеф, старший из детей, воспитывался в Коллегии иезуитов, затем изучал право в Туринском университете, после чего вернулся в Шамбери, занимал там должность сверхштатного прокурора при сенате и вскоре был назначен сенатором.

Сугубо католическое воспитание и твердый религиозный уклад семьи не препятствовали свободомыслию де Местра, которое, вполне в духе того времени, привело его к масонам¹³. Из Турина он прибыл уже со степенью Великого Ритора шамберийской ложи и, примкнув вскоре к франкмасонству, достиг степени Благодетельного рыцаря Святого Града. Сближение с Л. К. де Сен-Мартеном обострило его критическое отношение к идеологии французского Просвещения (в молодости он пережил увлечение руссоистским гуманизмом), отвратило от «баварского иллюминатства» с его демократическими и республиканскими тенденциями и утвердило в убеждении, что теократия есть единственно возможная форма устройства богочеловеческого единения на земле.

С трактовкой Сен-Мартена перекликается и отношение де Местра к Великой французской революции, охватившей Савойю и вынудившей его эмигрировать. В своей книге «Рассуждения о Франции», доставившей автору европейскую известность, он называет революцию «сатаническим» явлением и считает ее карой за грехи, но карой, очищающей от накопившегося во Франции зла и освобождающей ум и волю для возрождения богоустановленного порядка. Подобное значение он впоследствии признает и за деспотической властью Наполеона, подготовившего почву для реставрации монархии, что бессильны были сделать Бурбоны.

Де Местру пришлось расстаться и с родиной, и с семьей. Он отправляется в Лозанну, однако по требованию Директории покидает ее и переселяется в Турин, откуда французы также его изгоняют. После пребывания в Венеции он оказывается на о. Сардиния. Сардинский король, лишившийся к тому времени своих владений, но поддерживавший отношения с некоторыми европейскими монархами, назначает де Местра посланником при дворе Александра I, и в мае 1803 г. савойский изгнанник приезжает в Петербург. Здесь поначалу произошло частичное воссоединение с близкими: младший брат Жозефа Ксавье де Местр, офицер, ученый и писатель, еще в 1800 г. прибыл в Россию с армией Суворова и остался на русской службе, а в 1805 г. Жозеф вызывает в Петербург шестнадцатилетнего сына, который вскоре был определен

Памятник братьям
Жозефу и Ксавье де Местрам
в их родном городе Шамбери (Франция)

¹² См.: *Lescure M. de. Le comte Joseph de Maistre et sa famille. Paris, 1893.*

¹³ См.: *Бердяев Н. Жозеф де Местр и масонство // Путь. 1926. № 4.*

Санкт-Петербург в 1812 г. Худ. М. Дюбург

в Кавалергардский полк. Он и привез к отцу, по окончании войны, свою мать и обеих сестер, живших все эти годы в Турине.

В Петербурге де Местр завязал довольно близкие отношения с братьями Н. А. и П. А. Толстыми, с В. П. Кочубеем, Строгановыми, Е. Н. Вяземской, А. М. Белосельским-Белозерским, А. К. Разумовским, С. С. Уваровым, в кругу которых благодаря своему светскому обаянию, уму, блестящему красноречию занял видное место. Ревностный поборник римской церкви, ультрамонтан и друг иезуитов, де Местр оказывал заметное влияние на религиозные настроения петербургской аристократии, в том числе в придворной и правительственной сферах. Встречавший его у А. П. Хвостовой Ф. Ф. Вигель очертил его фигуру кратко и резко: «Чрезвычайно умный человек, красноречивый легитимист и бешеный католик»¹⁴. С. П. Жихарев в «Дневнике чиновника» (26 февраля 1807 г.) признавался: «Я не хотел бы остаться с ним неделю один с глазу на глаз, потому что он тотчас бы из меня сделал прозелита. Ума палата, учености бездна, говорит, как Цицерон, так убедительно, что нельзя не увлекаться его доказательствами...»¹⁵

Речи де Местра были тем более убедительны, что с начала 1800-х гг. в петербургском обществе обнаружился возрастающий интерес к католицизму вообще и к иезуитам в частности. Последние появлялись у нас и прежде — еще при Екатерине II и Павле I. По личной просьбе Павла I папа римский своей буллой от 7 марта 1801 г. разрешил деятельность ордена в России — вопреки повсеместному запрету его с 1773 г. В январе 1803 г. открылся их пансион в столице, в котором обучались будущий поэт сын князя А. И. Вяземского, племянник В. П. Кочубея, сын графа Н. А. Толстого, Голицыны, Прозоровские, Строгановы, Гагарины, Барятинские. О системе образования у иезуитов следует сказать, что не только теоретического внимания педагогов, но и внедрения

¹⁴ Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. М., 1928. Т. 2. С. 227.

¹⁵ Жихарев С. П. Записки современника. Дневник чиновника. Воспоминания старого театрала: В 2 т. Л., 1989. Т. 2. С. 160.

заслуживают многие принципы обучения и воспитания в школах ордена. Прежде всего, это постулат, что вера не препятствует знанию, а обостряет интеллект, вследствие чего религиозная практика — общая молитва, беседы — интегрируется в учебный процесс. Затем, это основополагающий принцип “*Cura personalis*”, в силу которого учебные программы строятся не с расчетом на освоение в срок предметного содержания всеми учащимися, а максимально адаптируются к умственным и душевным особенностям каждого, при этом стремление к совершенству и «блеску» образования вменяется в обязанность всем. Наконец, согласно образовательным установкам иезуитов, объективное знание о мире и о себе должно быть ценностно окрашенным, вследствие чего отношение к миру у носителя такого знания будет волевым и активным.

Поддержка де Местром иезуитов была весьма деятельной. Он способствовал преобразованию их Полоцкой коллегии в Академию и по этому поводу в октябре 1811 г. подал кн. А. Н. Голицыну особую записку, которая представляла собой извлечение из его трактата о России, получившего позднее заглавие «Четыре неизданные главы о России»¹⁶. Записка была доведена до сведения Александра I, после чего император пожелал ознакомиться со всем трактатом, а в январе 1812 г. подписал указ о создании Полоцкой академии.

В эту пору де Местр пользуется особой благосклонностью Александра и даже получает приглашение поступить на русскую службу, от чего он все-таки отказывается, предпочитая оставаться частным советником императора. Как предполагают, не без его влияния тот принял решение о ссылке Сперанского и предпринимал некоторые внешнеполитические шаги¹⁷. В ближайшем окружении Александра читают и другой трактат де Местра — «Опыты о принципе порождения политических учреждений и других человеческих установлений»¹⁸, а также знаменитые «Петербургские вечера»¹⁹.

Прозелизм де Местра, однако, зашел слишком далеко. Конвертитов среди петербургской аристократии стало неприлично много; обратился в католичество даже племянник обер-прокурора Св. Синода молодой князь А. Ф. Голицын. Вернувшийся из-за границы император решительно положил этому конец: иезуитам было приказано покинуть обе столицы, пансион закрыли, де Местр высылался из Петербурга, где недавно обосновалась наконец его семья и где он надеялся провести оставшуюся жизнь. 28 мая 1817 г. он отбыл из Кронштадта на корабле «Гамбург». Последним поводом вознегодовать на де Местра для Александра I стала написанная в Петербурге и изданная в 1819 г. книга бывшего посланника «О папе»²⁰, в которой автор исключает Россию из Европы, полагает, что в ее нынешнем положении ей придется выбирать между рабством и революцией, спасти же ее от этого может только

Портрет императора Александра I.
Худ. Г. Г. Мейер, 1814 г.

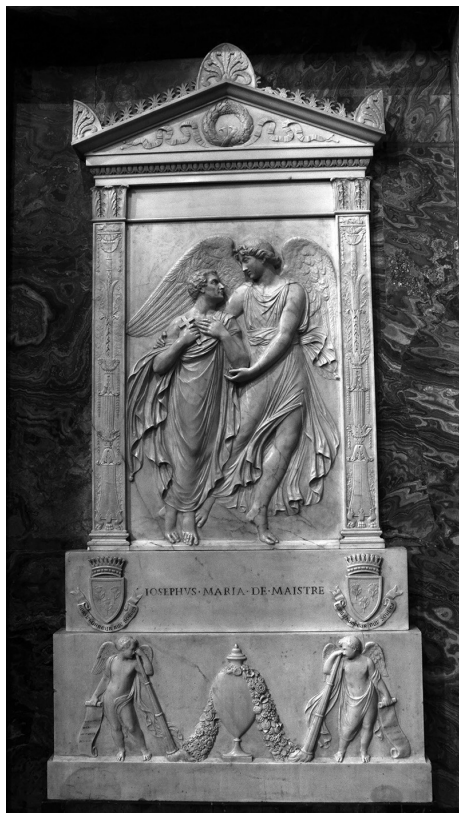
¹⁶ *Maistre J. de. Quatre chapitres inédits relatifs à la Russie. Paris, 1859.*

¹⁷ Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 603.

¹⁸ *Maistre J. de. Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines. СПб., 1810.*

¹⁹ *Maistre J. de. Les soirées de St.-Petersbourg. P., 1821.*

²⁰ *Maistre J. de. Du Pape. Lyon, 1819.*

Мои́ла Жо́зефа де Местра
в Це́ркви Свя́тых Муче́нников
(Це́ркви иезуи́тов) в Ту́рине

католицизм. В 1820 г. император окончательно изгнал иезуитов из России. А в следующем году, 26 февраля, Жозеф де Местр скончался в Турине.

Хотя прокатолическая деятельность де Местра в Петербурге принадлежит «малой» истории и выглядит почти курьезным эпизодом, она вместе с его проповедью ультрамонтанства оставила свой след в русской культуре и позже отозвалась в судьбах М. С. Лунина, В. С. Печерина, П. Я. Чаадаева. Последнего аббат Ф. Р. де Ламенне прямо называл «русским де Местром»²¹; мнение это подтверждает и уточняет А. И. Тургенев в письме к родителям от 10 июля 1831 г.: «Система его точь-в-точь гр. Мейстера, модифицированная чтением немецких писателей»²².

Но настоящее значение де Местра, принадлежащее «большой» истории, заключается в строительстве им той идейной цитадели, которая стала оплотом европейской (в том числе и русской) *реакции* — не только в специально политическом смысле понятия, но в широком смысле необходимого духовного противодействия новоевропейским цивилизационным процессам. Бешеная секуляризация (более бешеная, чем католичество де Местра) государства и культуры, тотальная демократизация, подчиненная требованиям антропологического минимализма, гегемония естественнонаучного знания и утилитарных его функций, диктат

социально-этической прагматики — все это вызывало закономерную реакцию в тех умах, которые понимали сущность и последствия таких процессов.

Реакция самого де Местра была острой в ее выражениях, последовательной в тематическом развитии и радикальной в конечных выводах.

Глубоко ложным он считал само основание новоевропейского гуманизма — представление о равенстве людей и соответствующее ему отвлеченное понятие о «человеке вообще». «Общечеловека» не существует, и приписываемые ему моральные, юридические и гражданские атрибуты являются фикциями, используемыми в политической риторике и в манипуляциях социальными субъектами. Одной из самых эксплуатируемых фикций выступают пресловутые «права человека». Спроецированное на массы такое представление о человеке создает иллюзию сознательно и суверенно действующего народа, тогда как свободная самостоятельность массы людей не может образовывать осмысленного и упорядоченного единства, и, следовательно, участие этой массы в управлении государством есть также фикция, за чем скрывается или анархическая тенденция, или политическая сила, которая преследует свои цели в формах бутафорского народовластия. Де Местр рассматривал государство как «тело или организм», которое инстинктивно сохраняет свое внутреннее единство

²¹ По свидетельству Н. И. Сазонова. См.: Сазонов Н. Место России на Всемирной выставке // Полярная звезда на 1856 г. Лондон, 1856. Кн. 2. С. 240. См. также: Милюков П. Н. О влиянии Ж. де Местра на Чаадаева // Русская мысль. 1895. № 12.

²² Тургенев А. Политическая проза. М., 1989. С. 157.

и цельность, а это возможно лишь при том, что оно «руководится одной разумной волей, следует одной традиционной мысли». Строить государство из раздробленных и обособленных элементов путем демократического преобладания большинства над меньшинством — значит строить отношения между людьми на искусственных основаниях, узаконивать ложь и вечный раздор в обществе.

Власть в государстве должна быть реальной, жизнеспособной и твердой, а для того она должна исходить из одного центра. Отстаивание любым сословием своих особых прав означает стремление создать государство в государстве, что обрекает последнее на разрушение и смерть. При аристократическом правлении нация раскалывается, при демократическом она крошится и затем от нее не остается ничего, кроме «буйной пыли». И де Местр уже по завершении Наполеоновской эпохи понимает, кто и зачем стремится к уничтожению традиционных иерархий. В адресованном, видимо, А. К. Ф. де ла Вalezу письме от 3 ноября 1815 г. он пишет: «Ныне Европа угнетена и раздавлена бандою *философистов* без морали, без религии и даже без разума, набрасывающихся на любое понятие о субординации и стремящихся лишь к низвержению любой власти ради того, чтобы самим занять ее место, ибо по существу дела речь идет только об этом»²³.

Русскими наследниками идей де Местра правовед П. А. Матвеев еще в XIX в. называл И. С. Аксакова и М. Н. Каткова²⁴, что дало В. С. Соловьеву повод сурово осудить консервативный национализм, а заодно и самого «ультрамонтанского писателя»²⁵. Но у Каткова и Аксакова острая, пронзавшая целые эпохи мысль де Местра как-то притупилась и расплылась в текущем русском материале, которому они безуспешно пытались дать жесткое идеологическое оформление.

Свое настоящее место эти идеи нашли только в историософии и социологии К. Н. Леонтьева, который, единственный из независимых мыслителей, в виду открывшихся ему перспектив жизни ясно обосновал необходимость *реакции* как культурно-политического феномена и показал, как надо «делать реакцию». Данная тема, однако, слишком объемна, серьезна и требует отдельного исследования. Скажу только, что ее начинал разрабатывать еще А. Е. Жураковский в 1915 г. в бытность свою в Киевском университете (под руководством В. В. Зеньковского) и касался Н. А. Бердяев (в книге о Леонтьеве).

У Бердяева же — последние, но очень яркие отблески резкого — даже издали — идейного света де Местра. Сам замысел «нового Средневековья», несомненно, деместровский. Деместровским пером писал Бердяев в «Философии неравенства»: «Всякий жизненный строй — иерархичен и имеет свою аристократию, не иерархична лишь куча мусора, и лишь в ней не выделяются никакие аристократические качества. Если нарушена истинная иерархия и истреблена истинная аристократия, то являются ложные иерархии и образуется ложная аристократия. Кучка мошенников и убийц из отбросов общества может образовать новую лжеаристократию и представить иерархическое начало в строе общества. <...> Вместо аристократической иерархии образуется охлократическая иерархия. И господство черни создает свое избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, первых из хамов, князей и магнатов хамского царства»²⁶.

Последние отблески деместровского света бросают отсветы и на наше время.

М. В. Медоваров: Жозеф де Местр в судьбах русской мысли

В чем заключается своеобразие традиционализма Жозефа де Местра, его место в истории европейской и русской философии, его актуальность для России и русской мысли? При ответе на такой вопрос следует, прежде всего, акцентировать внимание

²³ Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 276.

²⁴ М-ев П. Жозеф де Местр и его политическая доктрина // Русский вестник. 1889. № 5–6.

²⁵ Соловьев В. С. Славянофильство и его вырождение // Вестник Европы. 1889. Июнь, ноябрь, декабрь.

²⁶ Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990. С. 127.

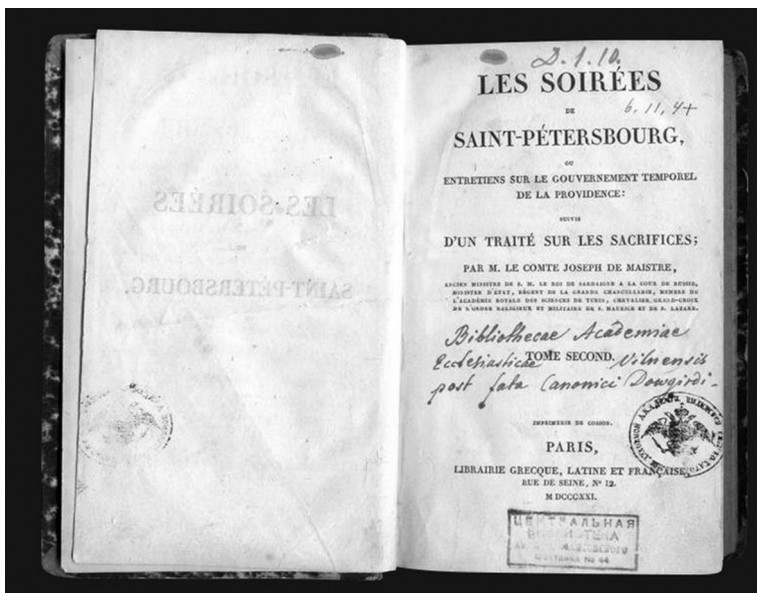
Граф Франсуа Ксавье (Ксаверий Ксаверьевич) де Местр (1763–1852). Автопортрет, ок. 1825 г.

на уникальной роли этого мыслителя в истории России. Посол маленького иностранного государства, никогда не состоявший на российской службе, на протяжении 14 лет жил в Петербурге, консультировал императора Александра I по вопросам установки памятника Минину и Пожарскому, а в 1812 г. чуть было не стал статс-секретарем Российской империи, отказавшись от назначения в последний момент (пост в итоге достался А. С. Шишкову). Более того, граф де Местр щедро раздавал советы и поучения русским сановникам. Среди них, к примеру, были президент Академии наук и будущий министр народного просвещения С. С. Уваров, любимый ученик Григория Сковороды, сенатор и русский посол в Турции В. С. Томара, выдающийся государственный и церковный деятель А. С. Стурдза²⁷. В общении с ними де Местр излагал наиболее глубокие свои мысли, на их основе он создал большинство своих книг (не считая ранних «Рассуждений о Франции»): «Санкт-Петербургские вечера», «О папе», «О галликанской церкви», «Религия и нравы русских», «Четыре неизданные главы о России», «Письма русскому дворянину об испанской инквизиции», «Рассмотрение философии Бэкона», «Эссе об отсрочке Божественного Правосудия в наказании виновных», а также многочисленные письма. Обычно считается, что католик

де Местр, не знавший толком русского языка и не выезжавший за пределы Петербурга, очень многое в России не знал и не понимал, однако целый ряд его конкретных хлестких замечаний о русском обществе начала XIX в. поражает своей точностью. Наконец, младший брат философа, Ксавье де Местр, перешел на русскую службу, женился на тетке супруги А. С. Пушкина и стал российским писателем.

С такими вводными данными неудивителен потрясающе плодотворный результат влияния савойского графа на начинавшийся тогда бурный рост русской общественной мысли и делающей первые шаги русской философии. Достаточно вспомнить, что три крупнейших произведения русской самобытной мысли первой половины XIX в. содержат целые скрытые цитаты из де Местра или едва прикрытую анонимностью полемику с ним. Это «Размышления об учении и духе Православной Церкви» А. С. Стурдзы, «Философические письма» П. Я. Чаадаева и «Русские ночи» князя В. Ф. Одоевского. Причем во всех случаях на первый план выходят наиболее фундаментальные мысли незабвенного графа: о единстве сознания человечества, о провиденциализме мировой истории, о мартинистской метафизике. Как известно, де Местр не был забыт и русскими философами конца XIX в. (Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Константин Леонтьев), а после точно предсказанной им за столетие

²⁷ Десярева М. И. Жозеф де Местр и его русские «собеседники». М.: Астер, 2004; Марченко О. В. Григорий Сковорода и Жозеф де Местр (об одном забытом сюжете) // Соловьевские исследования. 2014. № 4 (44). С. 124–141; Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004; Романчук А. А. Перепутье: своевременные мысли Александра Стурдзы // Стурдза А. С. Размышления об учении и духе Православной Церкви. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 5–18.

«Санкт-Петербургские вечера» Жозефа де Местра, изданные в Париже в 1821 г.

революции 1917 г., возглавленной «Пугачевым с университетским дипломом», интерес к нему проявили Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский и особенно Л. П. Карсавин, написавший глубокую статью о графе. Более того, само название книги Карсавина «Noctes Petropolitanae» («Петроградские ночи»), как ранее название «Русских ночей» Одоевского, отсылает непосредственно к «Санкт-Петербургским вечерам» де Местра.

В эпохи революций, казней и кровавых войн интерес к наследию де Местра представляется естественным, но он не исчезает никогда даже в спокойные периоды. Даже в сталинские годы в России вышли две фундаментальные работы о де Местре и других французских традиционалистах его эпохи, причем принадлежали они перу А. Н. Шebuнина, который в трехлетнем промежутке между двумя заключениями в лагере был вынужден подписываться псевдонимом²⁸. Заодно Шebuнин опубликовал значительную часть российской переписки де Местра, абсолютно неизвестную западным исследователям — и это в сталинской Москве в 1937 г.!

Для Западной Европы Жозеф де Местр появился вовремя и стал самым ярким, хотя далеко не единственным, основоположником не только политического роялизма и католического консерватизма, но и метафизического традиционализма во франкоязычных и вообще романских странах (его политической теологии многим будет обязан Доносо Кортес). Но Россия переживала тогда совершенно иную стадию своего общественно-политического и культурно-философского развития. Интерес к мистике в религии и шеллингианству в философии пробудился в нашей стране еще до начала посольской миссии де Местра, но именно он заметно изменил круг интересов, стиль философствования и окраску тематики нарождавшейся русской мысли. Сам факт, что в Россию надолго попал не просто один из многих, а первостепенный лидер западного традиционализма, может восприниматься как судьбоносная вежа, предопределившая дальнейшее тяготение русской религиозной и консервативной мысли к наиболее фундаментальным положениям де Местра, включая метафизику войны, времени, смерти, греха и искупления, яростное отрицание новоевропейского либерализма, рационализма, Реформации и Просвещения, исключительное внимание

²⁸ Шebuнин А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л.: Сеятель, 1925; Степанов М. [Шebuнин А. Н.] Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29–30. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 577–726.

к вопросам языка и этимологии слов, к поиску следов прамотеизма в религиях древности (важнейшая часть интегрального традиционализма) и т. д. Даже в тех случаях, когда де Местр явно опирался на Платона²⁹, Аристотеля или блж. Августина, его интерпретации падали на благодатную почву в России и инициировали серьезные размышления отечественных философов над классиками. По широте кругозора и глубине ума с графом могли в ту пору сравниться разве что Новалис и Шеллинг в Германии и Кольридж в Англии, однако их влияние на русскую, да и на западную мысль оказалось значительно отложенным во времени, в то время как де Местр с его уникальным политико-дипломатическим статусом снискал всеобщую известность еще при жизни.

В то же время было бы ошибкой считать, что абсолютно все темы в творчестве де Местра были восприняты в России двести или сто лет назад. Многие из них пробуждают интерес и начинают раскрываться только сейчас. В частности, это касается метафизики наказания и, в особенности, жертвоприношения, крайне востребованной в современной православной мысли, мартинистской темы в творчестве де Местра, а также его политической теологии и проблемы сакрального насилия³⁰.

А. Ю. Минаков: Русские сюжеты в биографии Жозефа де Местра

Жозеф де Местр прибыл в русскую столицу в мае 1803 г. в качестве посланника сардинского короля. Именно в России были созданы его некоторые основные сочинения, например, «Санкт-Петербургские вечера» и «Петербургские письма». Пропаганда католической теократии, которую вел де Местр, пользовалась, в силу блеска его светской проповеди, большим успехом у части русского высшего общества. К примеру, известный мемуарист С. П. Жихарев записывал в дневнике: «Граф Местр точно должен быть великий мыслитель; о чем бы ни говорил он, все очень занимательно, и всякое замечание его так и врезывается в память, потому что заключает в себе идею, и сверх того, идею прекрасно выраженную»³¹. Де Местр был частым гостем салонов С. С. Уварова, В. П. Кочубея, графа А. К. Разумовского, дружил с адмиралом П. В. Чичаговым; известны его посещения «Беседы любителей русского слова», возглавляемой А. С. Шишковым и Г. Р. Державиным. Определенную роль де Местр сыграл и в становлении русского консерватизма. Русские консерваторы того времени (А. С. Шишков, Н. М. Карамзин, А. С. Стурдза, М. Л. Магницкий и др.) разделяли основные ценности, которые были характерны и для их западноевропейских единомышленников, ставивших своей целью защиту и актуализацию позитивных традиций и ценностей идеализированного традиционного общества, прежде всего сильной централизованной монархической власти и религии. Русский консерватизм типологически был близок западноевропейскому, поскольку обладал теми же основными чертами, такими как: опора на традицию, понимание неравенства и иерархии как естественного состояния общества, отрицание революционных методов переустройства общества, борьба с идеями Просвещения, убежденность в том, что для общества необходима монополия благородного сословия и Церкви на обсуждение и толкование важнейших социальных и нравственных проблем, именно высшие сословия обязаны поддерживать охранительные принципы и государственные идеи.

Одной из главных причин появления на свет русского консерватизма была патриотическая реакция на галломанию — страсть к подражанию и заимствованию всего французского, не только языка, но и идей, привычек, мод и проч., которая захватила

²⁹ Kochin M. S. How Joseph de Maistre read Plato's "Laws" // Polis. 2019. Vol. 2. Iss. 1–2. P. 29–43.

³⁰ Актуальность Жозефа де Местра: материалы российско-французской конференции. М.: РГГУ, 2012; Ткаченко-Гильдебрандт В. Жозеф де Местр — пламенный контрреволюционер начала XIX века // Местр Ж. де. Об отсрочке Божественного Правосудия в наказании виновных. СПб.: Алетейя, 2017. С. 5–20.

³¹ Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала: В 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 86.

Министерство народного просвещения. Литография М. Иванова, 1846 г.

дворянское общество в конце XVIII — начале XIX в. Консерваторам вроде А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина галломания представлялась тем идейным злом, в котором оказались как бы сфокусированы все угрозы, несомые Французской революцией и наполеоновской агрессией.

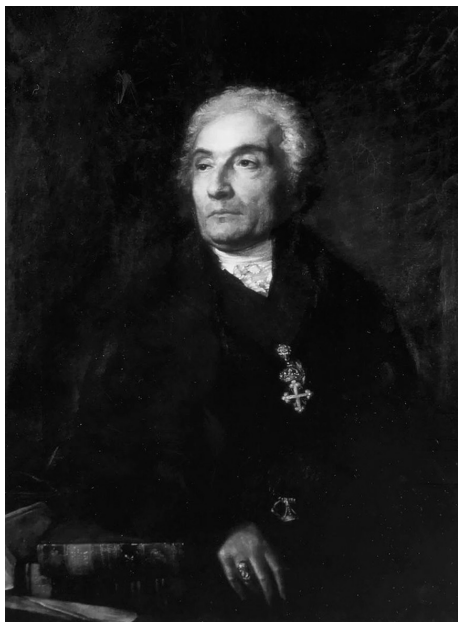
Следует отметить, что консервативно настроенные иностранцы осуждали галломанию едва ли не в более резких выражениях, нежели их русские единомышленники. Так, де Местр по этому поводу писал: «У меня нет слов описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал Россию буквально так, как человек обуздывает лошадь»³². Этот факт расценивался им крайне негативно, поскольку «российская цивилизация по времени совпала с эпохой максимального развращения человеческого духа (имеется ввиду распространение идей Просвещения и Великая французская революция — А. М.), и множество обстоятельств <...> пришли в соединение и, так сказать, смешали русский народ с народом, который одновременно был самым ужасным орудием и самой жалкой жертвой этого развращения. <...> Ужасная литература XVIII в. сразу, без какой-либо подготовки проникла в Россию, и на первых уроках французского языка, который услышало русское ухо, звучали слова богохульства»³³. В широком распространении подобного рода настроений де Местр обвинял русских западников, начиная с Петра I: «Я ставлю в вину вашему Петру I величайший грех — неуважение к своей нации»³⁴. Впрочем, с точки зрения французского консерватора у Петра были грехи и пострашнее: «Вообще же страна сия отдана иностранцам, и вырваться из их рук можно лишь посредством революции. Повинен в этом Петр, коего именуют великим, но который на самом деле был убийцей своей нации. Он не только презирал и оскорблял ее, но научил и ненавидеть самое себя. Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал ее под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен»³⁵. Скорее всего, де Местр нарочито сгустил краски, перенося на петровские реформы свою ненависть к протестантской

³² Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11. С. 178.

³³ Местр Ж. де. Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007. С. 40–41.

³⁴ Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11. С. 176.

³⁵ Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 179.

Портрет Жозефа де Местра.
Худ. К. Х. Фогель фон Фогельштейн,
ок. 1810 г.

Европе, на которую, как он считал, ориентировался Петр³⁶.

Жозеф де Местр провел в России 14 лет, с 1803 по 1817 гг., и оказал существенное влияние на политику Министерства народного просвещения, резко критикуя российскую систему образования и воспитания, проникнутую духом галломании и примитивного подражательства западноевропейским образцам. Он усматривал крайнюю опасность для российского государства в существовании слоя, возникшего в результате влияния модных западноевропейских идей, который значительно позже Шафаревич назвал «малым народом». Полуобразованные дворяне-галломаны представляли по сути подрывной элемент, преисполненный оппозиционного духа и воинствующего аморализма: «Умы их извращены и преисполнены гордыни, им родина опротивела, они вечно порицают правительство, преклоняются перед иностранными вкусами, модами и языками и готовы ниспровергнуть все то, что презирают, т. е. все на свете. Другое страшное последствие, вытекающее из этой научной мании, за-

ключается в том, что правительство, нуждаясь для осуществления ее в профессорах, постоянно принуждено обращаться за ними в иностранные государства; а так как люди истинно образованные и нравственные редко оставляют свое отечество, где их почитают и награждают, то одни только люди посредственные, и к тому же не только развратные, но и совершенно испорченные, являются на Север предлагать за деньги свою мнимую ученость. Особенно теперь Россия ежедневно покрывается этою пеною, которую выбрасывают на нее политические бури соседних стран. Перебежчики эти приносят сюда одну наглость и пороки. Не имея ни любви, ни уважения к стране, без связей домашних, гражданских или религиозных, они смеются над теми непрозорливыми русскими, которые поручают им все, что есть дорогого у них на свете, они спешат набрать довольно золота, чтобы привольно зажить в другом месте, и, обманув общественное мнение кое-какими публичными опытами, которые истинным судьям представляются жалкими образцами невежества, возвращаются на родину, чтобы издеваться над Россиею в дрянных книжонках, которые Россия еще покупает у этих же бездельников, — пожалуй, даже переводит. Теперешнее положение тем более опасно, что, благодаря крайне прискорбному предрассудку, в России негласно принято смотреть на нравственность как на нечто совершенно отдельное и независимое от преподавания, так что, например, если сюда приезжает преподаватель физики или греческого языка, всем известный за человека развратного или атеиста, весьма часто услышим: что имеет это общего с физикой или греческим языком? Таким образом сюда попадает сор Европы, и несчастная Россия дорого платит сонмищу иностранцев, исключительно занятому ее порчею»³⁷. Рассуждая таким образом, де Местр становился идейным союзником русских консерваторов, борцов с иностранным влиянием и галломаний.

Де Местр, как и А. С. Шишков с Ф. В. Ростопчиным, призывал «подвергать самому тщательному досмотру иностранцев (особенно немцев и вообще протестантов),

³⁶ Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 35.

³⁷ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 253–254.

прибывающих в эту страну для обучения молодежи, независимо от того, что они собираются преподавать, и считать почти несомненным, что из ста человек такого толка по меньшей мере в девяноста девяти случаях государство совершает для себя пагубное приобретение, потому что всякий, у кого есть семья, собственность, установившийся склад характера и определенная репутация, не поедет в чужую страну, а останется у себя дома»³⁸.

Консерваторы добились частичной реализации своих требований. Так, 25 мая 1811 г. был издан указ «О частных пансионах», в котором заявлялось, что «дворянство, подпора государства, возрастает нередко под надзором людей, одною собственною корыстию занятых, презирающих все отечественное, не имеющих ни чистых правил нравственности, ни познаний» и «следуя дворянству, и другие состояния готовят медленную пагубу обществу воспитанием детей своих в руках иностранцев». Указ предписывал директорам училищ испытывать нравственные качества содержателей пансионов и требовать от них и учителей знания русского языка. Преподавание должно было вестись исключительно на русском языке³⁹.

Определенное единство взглядов православных консерваторов и де Местра привело к тому, что он, как уже сказано выше, сознательно периодически искал контакты с консервативной шишковско-державинской «Беседой любителей русского слова» и бывал в знаменитом тверском салоне великой княгини Екатерины Павловны — официального лидера консервативной «русской партии» при дворе. Вероятно, эти контакты были обусловлены необходимостью совместной борьбы с влиятельной «французской партией», лидером которой считался известный либеральный реформатор М. М. Сперанский. Историк М. Я. Морошкин отмечал: «Если Ростопчин и партия его видели в Сперанском якобинца, то когорта деместровская смотрела на него как на иллюмината, проникнутого новым духом, враждебным Церкви и Престолу»⁴⁰.

Свою оценку Сперанского де Местр высказал в письме к сардинскому королю Виктору Эммануилу I от 28 августа 1811 г. Главными обвинениями в адрес государственного секретаря были «низкое» социальное происхождение, шпионаж в пользу Франции, приверженность конституции и принадлежность к масонам: «Это человек умный, великий труженик, превосходно владеющий пером; все сии качества совершенно бесспорны. Но он сын священника, что означает здесь принадлежность к последнему классу свободных людей, а именно отсюда и берутся, вполне естественно, внедрители всяких новшеств. Он сопровождал Императора в Эрфурт и там снюхался с Талейраном; кое-кто полагает, что он ведет с ним переписку. Все дела его управления пронизаны новомодными идеями, а паче всего — склонностью к конституционным законам <...>. Должен признаться в крайнем своем недоверии к государственному секретарю <...>. Ваше Величество не должен даже на мгновение сомневаться в существовании весьма влиятельной секты, которая уже давно поклялась низвергнуть все троны и с адской ловкостью использует для сего самих государей»⁴¹.

В конечном итоге в результате закулисной борьбы с участием самых различных группировок в марте 1812 г. Сперанский был подвергнут опале, что резко усилило позиции как консервативной «русской партии», так и де Местра. Еще в феврале 1812 г. последнему было предложено редактировать все официальные документы, публикуемые от царского имени, и передано 20 тысяч рублей от императора на необходимые расходы «для подготовки и проведения своих замыслов».

5 марта канцлер Н. П. Румянцев объявил де Местру, что император имеет на него виды в предстоящей войне, что он хотел бы его пригласить на русскую службу

³⁸ Местр Ж. де. Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. С. 110–114.

³⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. Стлб. 774–777.

⁴⁰ Морошкин М. Я. Иезуиты в России. С царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 2. СПб., 1870. С. 506.

⁴¹ Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11. С. 187.

Александр I в рабочем кабинете в Каменноостровском дворце.
Худ. Я. Залесский, нач. 1820-х гг.

и что он согласен послать фельдъегеря за семьей Местра. В тот же день вечером Местр был на квартире у Н. А. Толстого, обер-гофмаршала, президента придворной конторы, который руководил придворной жизнью и церемониями во времена Александра I, и имел с ним разговор о предстоящей войне и вопросах командования. Во время разговора в квартире тайно присутствовал царь. В конце беседы он заменил Толстого и переговорил с Местром об его предстоящей редакторской работе. По поводу всех сделанных ему предложений Местр, однако, твердо решил, что службы сардинского короля он не покинет. Об этом он объявил Румянцеву, не отказываясь в то же время от исполнения поручений Александра. В тот же день последовала давно решенная ссылка Сперанского⁴².

Поскольку де Местр отказался перейти на русскую службу, заявив Александру I, что долг перед сардинским королем не позволяет ему дать «подписку о неразглашении» той секретной информации, которую может принести ему новое положение, это привело, в конце концов, к охлаждению Александра в его отношениях с сардинским посланником. Фавор в статусе личного секретаря государя не продлился и четырех месяцев⁴³. Политическая роль де Местра в России была к тому времени в основном сыграна. 9 апреля 1812 г. произошло назначение А. С. Шишкова государственным секретарем, а 29 мая 1812 г. другой лидер «русской партии», Ф. В. Ростопчин, был произведен в генералы от инфантерии и вслед за тем назначен московским генерал-губернатором. Ему был также дарован титул Московского главнокомандующего.

Политические и идейные новшества, внедряемые в Российской империи после Отечественной войны 1812 г. и военных походов русской армии на Запад, — в частности, религиозный эксперимент Александра I и А. Н. Голицына по созданию «общехристианского государства» по западноевропейским лекалам, почерпнутым из трактатов протестантских мистиков и масонов, привели к тому, что католическая версия консерватизма, развиваемая и отстаиваемая Ж. де Местром, оказалась

⁴² Степанов М. [Шебунин А. М.] Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 602.

⁴³ Десярева М. И. Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н. М. Карамзин // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 65–66.

неприемлемой для самодержавной власти. Как писал А. Н. Шебунин, «идеологи реакции (Жозеф де Местр, Бональд, Ламенне) относились резко отрицательно к мистикам и идеологии Священного Союза и в Библейском обществе видели покровительство опасным сектам, религиозному разнообразию и т.п.»⁴⁴. Под тем предлогом, что прозелитизм де Местра зашел слишком далеко и что среди петербургской аристократии многие обратились в католичество (включая молодого князя А. Ф. Голицына, племянника обер-прокурора Св. Синода), иезуитам было приказано покинуть обе столицы, а де Местра в мае 1817 г. выслали из Петербурга за границу. В 1820 г. иезуиты окончательно были изгнаны из России, а в 1821 г. Ж. де Местр скончался в Турине. Таким образом, непосредственное влияние одного из основоположников европейской консервативной мысли на становление русского консерватизма прекратилось еще в 1817 г. Последовавший в 1822–1824 гг. отказ от религиозного экуменического эксперимента был результатом победы консервативной «русской партии», которая надолго заблокировала процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статуса Православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на Православии.

Жозеф де Местр не мог сильно повлиять на складывающийся русский консерватизм. Он развивался параллельно с западноевропейским, под влиянием сходных, но все же внутренних факторов. Идеи де Местра в их системном целом были восприняты лишь фигурами, достаточно маргинальными для русской общественной мысли, — например, филокатоликами П. Я. Чаадаевым и В. С. Печериным и декабристами Н. М. Луниным и М. Ф. Орловым. Прежде всего, сказывалось крайне негативное отношение Местра к Православию, которое он воспринимал как «ересь»: «Система греческого православия может сохраняться в своей целостности лишь благодаря невежеству...»⁴⁵ Кроме того, органично присущая во многом де Местру русофобия, его отношение к русскому самодержавию как к разновидности деспотической азиатской власти, а к русским — как к «пушечному мясу» для решения проблемы борьбы с европейской революцией⁴⁶, вряд ли могли снискать к нему симпатии у подавляющего большинства русских консерваторов того времени.

Г. Н. Самуйлов: Античная философия и Жозеф де Местр

Жозеф де Местр хорошо знал античную культуру⁴⁷, в частности — греческий язык, литературу и философию. Но его отношение к этой культуре было неоднозначное: он был далек от романтического восприятия греческой цивилизации и культуры и явно отдавал предпочтение римскому духу и латинской культуре.

В «Du Rare» мы найдем немало страниц, посвященных критике греков. Он усматривает в основании греческой культуры негативные тенденции, своего рода дух разделения, который проявляется во всем: в языке, в формах правления, в склонности греков к сектантству и, наконец, в непригодности греков к политическому и моральному объединению, — они никогда не имели счастья быть народом. Он утверждает, что в науках греки также не сделали ничего нового, чего бы ни знали до них: в математике, в астрономии они были лишь имитаторами египтян, халдеев и финикийцев. То же и в философии, — философский талант греков объявляется относительным. Философия, говоря словами Климента Александрийского, достигла греков лишь после того, как сделала круг в универсуме. Их истинная заслуга заключается в том, что они были великими посредниками между Азией и Европой. Знанием обладали

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91. Л. 9–10.

⁴⁵ Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 12. С. 173.

⁴⁶ Местр Ж. де. Религия и нравы русских. СПб., 2010.

⁴⁷ *Triomphe R. Joseph de Maistre, etude sur la vie et sur la doctrine d'un materialiste mystique.* Genève: Droz, 1968. P. 382.

Портрет Гомера.
Неизвестный художник, 1639 г.

Гомера, противопоставляя ее бессилию языка, начавшему философски рефлексировать и заимствовать слова. С его точки зрения, Гомер порой употребляет слова, предполагающие экстраординарные знания, — например, эпитет *physizoois* по отношению к земле. Различая действие духа от действия души, Гомер провозглашает практически христианский тезис о различных волях — «воле тела и воле духа»⁴⁹. У него же он находит критику на сетование и обвинение богов в несправедливости, привычное для людей, которые говорят, что несчастья исходят от богов, тогда как их единственной причиной являются преступления самих людей⁵⁰. В «Рассуждениях о Франции» Местр уверят нас, что Гомер, заявляя, что всякое благо исходит от Бога, мыслит как апостол Павел. Эпиграфом к «Du Rare» Местр выбирает гомеровское «Пусть будет единственный суверен!»

Но как близок Гомер де Местру, так чужды ему пессимизм и форма богопочитания Гесиода, которого он упоминает лишь мимоходом. Он также обращается к трагедиям Эсхила, которые ему нравятся, если судить по цитатам. Кроме того, Местр считает, что мало кто так высоко поднимался в вопросах теологии, как Еврипид — по его мнению, он говорил как Исайя⁵¹.

Обращаясь к рассмотрению отношения Местра к философам и философским школам Античности, следует сразу отметить, что более всего его интересует и была ему близка пифагорейско-платоническая традиция. Вопрос о значении пифагорейских учений для Местра поднимался в исследовательской литературе на Западе, часто в связи с масонской практикой, — например, Р. Триумфом. Этот вопрос вкупе с эзотерической и оккультной проблематикой мы не будем затрагивать, поскольку он требует специального исследования. Но совершенно невозможно оставить в стороне метафизику числа, т. к. Местр много пишет об этом, — например, в «Санкт-Петербургских вечерах». Число является зеркалом разума, оно выступает очевидной демаркационной линией между людьми и животными. Бог дал нам число, посредством него

на Востоке и там не спорили о пустом. В отличие от греков, которые постоянно дискутировали, не зная ничего точно.

Вместе с тем, Местр признает, что древние греки имели склонность к тонким метафизическим построениям и синкретизму. На примере христианской истории он указывает, что «желая одновременно быть и философами, и христианами, они (греки) не были ни теми, ни другими. Они соединяют и смешивают Евангелие с платоническим спиритуализмом и со снами Востока. Вооруженные бессмысленной диалектикой, они хотели разделить неделимое и проникнуть в непроницаемое»⁴⁸. Отсюда проистекает склонность греков ко всевозможным ересям.

Но, при всей этой критичности, книги Местра полны ссылками на греческих авторов. Он явно любит творчество Гомера. Охотно цитирует его и комментирует, полагая, что Гомер сохранил память о божественном языке, на котором говорило в начале своей истории человечество. Он акцентирует внимание на творческой силе языка

⁴⁸ Ibid. P. 397; *Maistre J. de. Oeuvres complètes*. T. 2. Du Pape. Lyon, 1884. P. 495–496.

⁴⁹ *Triomphe R. Joseph de Maistre, etude sur la vie et sur la doctrine d'un materialiste mystique*. P. 400.

⁵⁰ *Maistre J. de. Oeuvres complètes*. T. V. Lyon, 1886. P. 69.

⁵¹ *Triomphe R. Joseph de Maistre, etude sur la vie et sur la doctrine d'un materialiste mystique*. P. 402.

Он доказывает нам Свое существование, и в нем выражается наше подобие с Богом. При отнятии числа исчезают искусства, науки, слово — короче говоря, исчезает разум. При возвращении его — возвращаются вместе с ним гармония и красота, — крик становится пением, шум обретает ритм, прыжки преобразуются в танец. Число существует повсюду, — в небе и в теле человека⁵².

Показать, насколько творчество Платона было важно для савойского мыслителя, не сложно, — для этого достаточно процитировать самого Местра. В различных своих книгах он не перестает восхвалять Платона. В этой связи чаще всего вспоминают письмо графа к князю Яну Поточкому от 5 июня 1810 г., где он прямо пишет: «Я всегда возвращаюсь к Платону», а в «Санкт-Петербургских вечерах» он заявляет, что не существует ни одного великого вопроса, который он не сверял бы с тем, что думает по этому поводу Платон.

Местр охотно обращается к философии Платона, он полагает, что этот греческий философ всегда был первым на путях постижения всех великих истин, и соглашается с теми, кто считал философию Платона предуготовлением к Евангелию. Идеи философии Платона вдохновляют его метафизические, теологические и политические размышления, он использует их в борьбе против сенсуализма, сциентизма и атеизма XVIII в.

Однако и Платон не избежал критики Местра: «Читая Платона, вы на каждой странице будете сталкиваться с потрясающей двойственностью. Всякий раз, когда он говорит как грек, то он наводит скуку и часто раздражает. Но Платон велик, тонок, глубок, когда выступает в качестве теолога, то есть когда он формулирует вечные, положительные догматы, явно несущие на себе печать Востока и не имеющие ничего общего со спорами»⁵³. Согласно Местру, Платон достиг понимания догматов о Св. Троице, Мессии, аде, первородном грехе и даже знает догмат о чистилище, поэтому неудивительно, что он проповедовал аскетизм вкупе с молитвой и чистотой. Платон много читал и много ездил, в его книгах — тысяча доказательств, что он непосредственно прикасался к источникам древних традиций.

Вместе с тем, Местр признает, что Платона нелегко понять, — он скрывает свои настоящие религиозные взгляды и облекает их в мифы и философемы⁵⁴. В его лице сочетаются софист, философ и теолог, пифагореец, грек, халдей, египтянин.

Непросто также понять, насколько в книгах Местра остается от самого Платона; в какой степени можно говорить об аутентичности идей Платона, — нужно суметь отделить различные позднейшие напластования и их синтез со стоическим и христианским учениями. Это проблематично сделать ввиду того, что Местр явно читает Платона глазами Цицерона, Сенеки и особенно Плутарха, каждый из которых является сам по себе значительной фигурой в истории философии. Также следует помнить о системе образования, которая сложилась к XVIII в. в Европе, и воспитании — в случае

Платон на фреске
«Афинская школа».
Худ. Рафаэль Санти, 1510–1511 гг.

⁵² Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. Кн. 10. СПб.: Алетейя, 1998.

⁵³ Maistre J. de. Œuvres, suivies d'un dictionnaire / Ed. par P. Glaudes. Paris, 2007. P. 1252.

⁵⁴ Maistre J. de. Œuvres complètes. T. 2. Du Pape. P. 482–496.

с Местром это была традиция ордена иезуитов. Однако попытаться увидеть пересечения можно, опираясь на современные исследования в платоноведении и местроведении и сравнивая полученные результаты с тем, что пишет Местр в своих книгах. С содержательной точки зрения будут выделены диалоги Платона, которые использовал Местр, и несколько конкретных тем, общих для обоих мыслителей.

Основной литературой для нашего исследования заявленной темы являются: сборник произведений Жозефа де Местра, изданный Пьером Глодом в 2007 г. в Париже⁵⁵; монография Робера Триомфа «Жозеф де Местр, исследование жизни и учения одного мистика-материалиста»⁵⁶; статья Ричарда Лебрёна «Неизданные сборники прочитанной Жозефом де Местром литературы, с его заметками и рассуждениями к ним»⁵⁷.

Книга Робера Триомфа была опубликована в Женеве издательством «Дроз» в 1968 г., спустя двенадцать лет после защиты ее в качестве докторской диссертации на филологическом факультете в Париже в мае 1955 г. Этот капитальный труд, объемом более шестисот страниц, состоит из двух частей, первая из которых посвящена подробному биографическому исследованию, а вторая предлагает анализ источников местровской мысли в двух ракурсах: «Жозеф де Местр и Греция» и «Жозеф де Местр и Германия». Для целей рассматриваемой темы исследование Р. Триомфом греческого влияния на мысль Местра является базовым и может служить отправной точкой, поскольку оно образует целый отдельный параграф и представляет собой хороший, добротный образец для дальнейшей разработки. Французский ученый широко рассматривает влияние на Местра греческой культуры, греческой литературы — прежде всего, религиозной, поэтической и философской. А учитывая платонический фундамент мыслительных конструкций савойского аристократа, Р. Триомф проводит обзор платонической традиции вплоть до ее самых значительных рецептов в XVII–XVIII вв.

Благодаря работе Ричарда Лебрёна, опубликованной в «Обзрении местровских исследований» (№ 9 за 1985 г.), использовавшего в своей статье количественный метод, мы можем увидеть панораму того, что, как и когда читал Жозеф де Местр, оставивший об этом соответствующие записи. О значении этих записей мы можем косвенно судить на основании отрывка из девятой беседы в «Санкт-Петербургских вечерах», где дано описание, которое совпадает с тем, что содержат в себе эти регистры. Это, прежде всего, выписки из всего, что поразило Местра в процессе чтения, — иногда это просто указатели и заметки, а порой это слово в слово переписанные существенные отрывки, зачастую сопровождающиеся замечаниями и записями собственных мыслей по их поводу. Эти «записи прочитанного» составляют семь переплетенных томов, которые хранятся в архивах потомков Жозефа де Местра.

Канадский исследователь дает их подробное описание. Мы ограничимся только некоторыми деталями, могущими нам помочь представить масштаб исследовательской лаборатории Местра и место, которое в ней занимает Платон.

«Сборник А» (*Mélanges A*) представляет собой настоящий калейдоскоп, в котором редко можно встретить выдержки, посвященные какой-либо книге или автору, изложенные более, чем на одной или двух страницах. Содержание тома включает в себя разделы по истории, политике, философии, поэзии, языкам, физике и религии. «Сборник Б» (*Mélanges B*) имеет тот же формат, что и предыдущий, в нем отсутствует оглавление, но по рубрикам сборник идентичен предыдущему и в нем также выдержки и комментарии по большей части очень короткие. В сборниках «Философия С» (*Philosophie C*) и «Философия Д» (*Philosophie D*) мы найдем более пространственные части, посвященные конкретным авторам и некоторым темам. Например, на страницах 3–92 есть записи, посвященные Бекону, которые послужили подготовительным

⁵⁵ *Maistre J. de. Œuvres, suivies d'un dictionnaire / Ed. par P. Glaudes. Paris, 2007.*

⁵⁶ *Triomphe R. Joseph de Maistre, étude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique. Genève: Droz, 1968.*

⁵⁷ *Lebrun R. Les lectures de Joseph de Maistre d'après ses registres inédits // Revue des Etudes Maistriennes. 1985. № 9.*

материалом для книги Местра «Исследование философии Ф. Бекона», а на страницах 93–336 приводятся результаты работы с трактатом Д. Локка «Философское исследование человеческого разума». Том «Религия Е» (Religione E) содержит материалы, которые использованы в основном для подготовки книги «Du Rare» и «Пяти писем о народном образовании в России». Также Р. Лебрён включает в семь томов «Выписки Ф и Г». Кроме этих семи «регистров прочитанного», в архивах мыслителя есть и другие сборники и материалы. Это «Рукописи» (Manuscripts), «Разное» (Miscellanea) и «Заметки к прочитанному» (Notes de lecture).

На основании этих регистров проф. Р. Лебрён составил четыре таблицы: в первой фиксируются имена авторов, чаще всего цитируемых Местром; во второй — названия цитируемых книг; в третьей — названия книг вместе с выписками из них, каждая из которых превышает более 15 страниц; и, наконец, в четвертой — представлены авторы, которые чаще всего цитируемы в индексах этих регистров. Имя Платона присутствует в трех из четырех таблиц, а именно — в первой, где он занимает шестую позицию по частоте цитируемости; в третьей таблице мы видим, что Местр очень внимательно читал «Законы» Платона в 1809 г., из которых сделаны выписки на 53 страницах; а в четвертой — Платон занимает первую строчку по частоте цитирования.

Полученные результаты полностью согласуются с исследованием профессора Жана-Луи Дарсея, согласно которому уже только количественный анализ наглядным образом показывает возвращение Жозефа де Местра к Античности и классической литературе. К такому выводу французский исследователь пришел в результате обзора библиотек, в разное время принадлежавших Местру.

Исходя из представленного в «Приложении А» (Appendice A) индекса авторов и ссылок, мы видим, к каким диалогам и в какое время обращался Жозеф де Местр. Это следующие диалоги: «Кратил», «Критий», «Законы», «Государство», «Горгий», «Менексен», «Менон», «Федр», «Филеб», «Политик», «Тимей», «Теэтет».

На вопрос, какой или какие диалоги наиболее важны для Местра, ответить не просто, но, опираясь на статистику цитирования и на рассмотрение содержания его книг, можно сказать, что таким диалогом являются «Законы», в отношении которых как раз и происходит совпадение количественного индекса с пересечением общих для Платона и Местра тем и проблем. Оба мыслителя венцом своих исследований считают политическую метафизику, оба подробнейшим образом исследуют вопрос о началах знания, и для того, и для другого предметом пристального внимания становится морально-этическое и юридическое измерение человека, социума и мира. Сами же «Законы» Платона, будучи одним из его поздних диалогов, могут рассматриваться как ключ ко всем предыдущим. Так считает, например, известный исследователь творчества Платона Оливье Реверден⁵⁸.

В письме Местра к графу С. С. Уварову мы находим перечень общих для Платона с христианством тем⁵⁹. По мнению Местра, нет никаких сомнений в том, что у Платона явным образом присутствует учение о единственном Боге, учение о бессмертной и нематериальной душе, о воздаянии в загробной жизни, об аде и чистилище, о действительности молитвы и жертвоприношений как для живых, так и для усопших, о падшей природе человека, о необходимости Божественного Посредника и, наконец, о Троице, — существует, например, интерпретация Оригеном второго и седьмого писем Платона, а также диалога «Тимей» как содержащих учение о Троице.

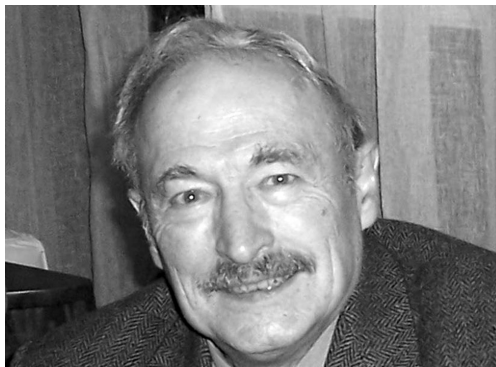
Понятно, что, обнаружив столько латентного христианства, Местр, согласно Триумфу, должен был бы кричать от восторга; ведь савойский ультрамонтанист не довольствуется повтором известного предположения, что Платон был знаком с книгами Ветхого Завета, — в «Законах» он находит то, что, по его мнению, могло быть написано самим блж. Августином или Бурдалу. Это совпадение Местр

⁵⁸ Reverdin O. La religion de la cité platonicienne. Paris, 1945.

⁵⁹ «П n'est pas étonnant que les premiers chrétiens aient porté aux nues ce philosophe». (Пер.: «Неудивительно, что первые христиане восхваляли этого философа до небес.») (Lettre à Ouarov. Etudes de philologie).

рассматривает в качестве свидетельства универсальности основных религиозных истин, что убедительно согласуется с известным утверждением о человеческой душе как по природе христианке.

Р. Лебрён: Размышления о моей первой книге «Трон и алтарь: Политическая и религиозная мысль Жозефа де Местра»⁶⁰

Ричард Лебрён.
Фотография с сайта
Университета Манитобы

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить своего коллегу и друга Геннадия Николаевича Самуилова за приглашение принять участие в этой Международной конференции, организованной Санкт-Петербургской духовной академией. Я также должен поблагодарить его за приглашение принять поучаствовать, прошедшей в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в Москве в октябре 2009 г., где я представил два доклада (впоследствии опубликованных на русском языке в сборнике материалов конференции), и за то, что он предоставил двух англоговорящих студентов в качестве моих гидов при осмотре достопримечательностей Москвы. Затем, после конференции

в Москве, он очень любезно сопровождал меня на поезде в Санкт-Петербург и устроил меня в городе на несколько дней для осмотра достопримечательностей перед моим возвращением в Канаду. У меня остались очень приятные воспоминания об этой поездке. В частности, мне запомнилось посещение Эрмитажа, где я увидел знаменитую статую Вольтера работы Гудона, которую Жозеф де Местр так блестяще описал в четвертом диалоге своих «Санкт-Петербургских вечеров». Там Граф (очевидно, сам де Местр), гневно осуждая богохульства и оскорбления в текстах Вольтера, предлагает своим собеседникам отправиться в Эрмитаж и посмотреть на «натуральный» портрет Вольтера работы Гудона, особенно на его рот: «Эта мерзкая и ужасная ухмылка от одного уха до другого, эти сжатые жестокой злобой губы, — словно пружина, готовая распрямиться, разбрасывая вокруг кощунство и нечестие...»⁶¹ Эта характеристика Вольтера незабываема.

Но сегодня, по предложению Геннадия Николаевича, в качестве темы была выбрана моя первая крупная работа «Трон и алтарь: Политическая и религиозная мысль Жозефа де Местра», вышедшая в издательстве Оттавского университета в 1965 г., почти 60 лет назад. Появление этой книги является частью, казалось бы, невероятной истории о том, как фермер из деревушки в штате Северная Дакота в США (всего в нескольких милях к югу от канадской границы) стал достаточно известным исследователем де Местра, чтобы в возрасте 92 лет быть приглашенным выступить перед вами сегодня.

Мое происхождение довольно скромно: начальное и среднее образование я получил в маленьких посредственных сельских школах и школах небольших городов. Однако история моей семьи примечательна, а поиск моей родословной был отчасти результатом интереса к европейской истории. Мои мать и отец были потомками двух семей (Бошам и Пеллетье), эмигрировавших в Новую Францию (современный Квебек) с юга Франции (из Ла-Рошели) в середине XVII в. В конце 1890-х гг. потомки этих

⁶⁰ Перевод выполнил Никита Андреевич Мухин, преподаватель кафедры английского языка, кафедры перевода французского языка Переводческого факультета МГЛУ.

⁶¹ *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 2016.

семей, в свою очередь, эмигрировали в Северную Дакоту. Фактически мои родители по их материнской линии были родственниками: у обоих деда происходили из семьи Бошам. По отцовской линии и мой прадед Эмиль Лебрён, и мой дед Эжен Лебрён в конце 1890-х гг. эмигрировали из промышленного города Шарлеруа в Бельгии в Северную Дакоту, где стали фермерами.

Мой отец, Жюль Лебрён, всю жизнь занимавшийся сельским хозяйством, был убежденным сторонником образования, несмотря на то, что его собственное едва ли выходило за рамки начальной школы. Ему удалось отправить учиться в университет шестерых из семи своих детей. Я, его старший сын, родившийся в 1931 г., был отправлен в Университет Святого Иоанна — превосходное небольшое учебное заведение в центральной Миннесоте, управляемое монахами-бenedиктинцами. Именно там мой интерес к истории углубился. Во втором семестре третьего курса, весной 1952 г., я отправился в учебную поездку, включавшую в себя обучение в Вене, путешествия на поезде по Италии, Северной Африке, Испании, Португалии и южной Франции. Летом я изъездил автостопом Германию, Бельгию, Францию и Англию. Приобретенный опыт усилил мой интерес к европейской истории; особенно меня впечатлил Париж, и я помню свою убежденность в том, что мне надо будет обязательно туда еще вернуться.

Это возвращение оказалось отложенным на несколько лет. Когда в 1953 г. я окончил Университет Св. Иоанна, Корейская война еще продолжалась, и в США сохранялся призыв на военную службу. Мне предстояло пройти двухгодичную службу в армии (с возможной службой в пехоте в Корее) или добровольно поступить на трехлетнюю службу в резерв ВМС США. Я выбрал второй вариант, прошел обучение и службу в штатах Род-Айленд, Флорида, Вирджиния и на Бермудских островах, что позволило мне быть подальше от Кореи и получить право на финансовую помощь по закону, прозванному «GI Bill», которая помогла мне продолжить обучение в аспирантуре Университета Миннесоты.

Начиная с сентября 1956 г. и по август 1960 г. я полностью посвятил себя учебе на прекрасном историческом факультете этого университета. В 1956–1957 учебном году я получил степень магистра с опцией «только курс». Поскольку я планировал получить степень доктора философии, что предполагало написание диссертации, мои консультанты посчитали, что вариант с курсовым обучением был вполне уместен. К осени 1959 г. я написал необходимые курсовые работы, сдал квалификационные экзамены для получения степени доктора философии и был готов приступить к написанию диссертации.

К тому времени я был женат и имел детей, что делало практически невозможным поездку во Францию и работу в архивах, поэтому исторический факультет согласился с тем, что я могу написать диссертацию по интеллектуальной истории на основе изданных источников. Так получилось, что в библиотеке Университета Миннесоты имелось 14-томное собрание сочинений Жозефа де Местра (*Oeuvres Complètes de Joseph de Maistre*) издания 1884–1893 гг. Мой руководитель считал, что де Местр был важным автором, который слишком долго находился вне поля зрения большинства англоязычных исследователей, и предложил мне подготовить диссертацию, посвященную его политической и религиозной мысли.

Большая часть исследований по опубликованным на тот момент сочинениям де Местра была завершена в 1959–1960 учебном году, но финансовая необходимость (жена и трое маленьких детей, четвертый ожидался весной 1960 г.) заставила немедленно искать место преподавателя на полный рабочий день. Так случилось, что моя диссертация, даже не будучи завершенной, изменила ход моей жизни. В декабре 1959 г. в поисках работы я посетил ежегодную конференцию Американской исторической ассоциации в Чикаго. Там я прошел собеседование с заведующим кафедрой истории Оттавского университета, двуязычного англо-французского вуза в столице Канады. Заведующий кафедрой, выходец из Квебека, был рад найти кандидата со знанием французского языка на вакантную должность и предложил мне работу.

Переехав с семьей в Оттаву осенью 1960 г., я не мог и предположить, что стану гражданином Канады и проведу там всю оставшуюся жизнь, но, к счастью, все сложилось именно так. В 1966 г. мне предложили место в Университете Манитобы в Виннипеге, столице провинции (гораздо ближе к моим родителям, братьям и сестрам, а также к родителям жены, которые все еще жили в Северной Дакоте). Таким образом, большая часть моей научной карьеры вплоть до выхода на пенсию в 1998 г. прошла там в качестве профессора истории; при этом я совмещал преподавательскую деятельность с административными должностями в Университете (в разное время я был заведующим кафедрой, помощником декана по аспирантуре, исполнительным заместителем президента Университета, ректором Католического колледжа, входящего в состав Университета Манитобы).

Вернемся к истории моей первой книги. Когда я приехал в Оттаву в 1960 г., моя диссертация была еще не закончена. В связи с большим объемом преподавательской работы она была защищена только в 1963 г., и лишь в 1965 г. ее переработанный вариант был опубликован под названием «Трон и алтарь».

В то время я, конечно, не был лично знаком с другими исследователями де Местра, а о Робере Триомфе и вовсе ничего не знал. В библиографии «Трона и алтаря», правда, есть ссылка на его статью 1961 г. в журнале *Revue des Sciences religieuses* «Паскаль и Жозеф де Местр». Но в то время только у рецензентов его диссертации 1955 г., посвященной де Местру, могли быть основания предполагать, что работа Триомфа послужит толчком к новым серьезным научным исследованиям в данной области.

Когда в 1967 г. я совершил свою первую научную поездку во Францию (спустя 15 лет после моего студенческого путешествия в 1952 г. и через четыре года после завершения работы над диссертацией), то, помимо работы в Национальной библиотеке, я отправился на поезде из Парижа в Страсбург, чтобы проконсультироваться с профессором Триомфом. Я хорошо помню, что он и его жена встретили меня крайне гостеприимно. Во время моего визита он перерабатывал свою докторскую диссертацию для публикации, и он любезно разрешил мне ознакомиться с его рукописью до ее публикации в следующем, 1968 г., под названием “*Joseph de Maistre: Etude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique*”.

Во время этой же научной поездки в 1967 г. я также посетил Кольмар, чтобы проконсультироваться с Жаном-Луи Дарселем, который в то время преподавал там. Я не помню, когда пришло осознание, что знакомство с ним будет полезно для моего исследования. В «Троне и алтаре» он не упоминается. Если подумать, то, возможно, моя поездка в Кольмар была предпринята по предложению Робера Триомфа. В любом случае, встреча с Дарселем привела к длительному и плодотворному сотрудничеству с ним. К сожалению, я уже не помню подробностей и не могу точно дать временные рамки этого сотрудничества.

Мое участие в работе «Ассоциации друзей Жозефа и Ксавье де Местров», организации, которая поддерживала и спонсировала научный журнал, публиковавший научные работы о Жозефе де Местре, началось примерно в 1978 г., когда я, а также Жан-Луи Дарсель были включены в состав редакционной коллегии четвертого номера журнала *Revue des Etudes Maistriennes*. В примечании на внутренней стороне обложки в качестве почтового адреса Дарселя по-прежнему значился Кольмар.

«Ассоциация» была создана в 1974 г. Жаком Лови, но первые два номера того журнала первоначально под названием *Etudes Maistriennes* (в 1975 и 1976 гг.) содержали статьи Жана-Луи Дарселя. Мне не удалось выяснить, когда именно Дарсель переехал в Шамбери. Но точно известно, что он редактировал *Revue des Etudes Maistriennes* по крайней мере с 1985 по 2002 г., то есть в те годы, когда были опубликованы выпуски журнала с № 9 (от 1985 г.) по № 13 (от 2002 г.).

С самого начала, как следует из вступительного слова Жана Буасселя, чье имя также фигурировало среди членов редакционной коллегии с 1975 по 1990 г., целью «Ассоциации» и ее журнала была работа по обеспечению доступа к трудам Жозефа де Местра, хранящимся в семейных архивах трех его потомков, и публикация результатов

исследований этих ранее неопубликованных документов.

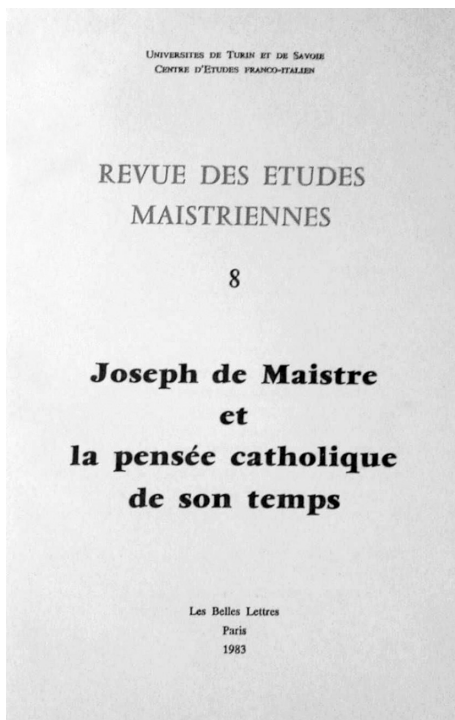
До этой инициативы опубликованные оценки де Местра и его трудов (в том числе и моего «Трона и алтаря») практически полностью были написаны на основе его доступных работ и в большинстве своем были столь же пристрастны, как и используемые материалы. Напомню, что Жозеф де Местр писал в ответ на события своего времени или для опровержения авторов и идей, против которых он выступал.

Как я уже отмечал во введении к книге «Трон и алтарь», среди писавших о де Местре присутствовало фундаментальное разделение на тех, кто одобрял Французскую революцию, и тех, кто ее осуждал, и это разделение было глубже, чем просто рациональные соображения. Как мы с Каролиной Арментерос отметили во введении к труду «Жозеф де Местр и наследие Просвещения» (SVEC, 2011), который мы редактировали совместно, в своей книге Робер Триумф «систематически враждебен к своему предмету (считая его или, по крайней мере, его интеллектуальных потомков виновными в создании вишистского правительства)». Можно сказать, что эмоциональной мотивацией для его масштабного исследования трудов де Местра была личная неприязнь.

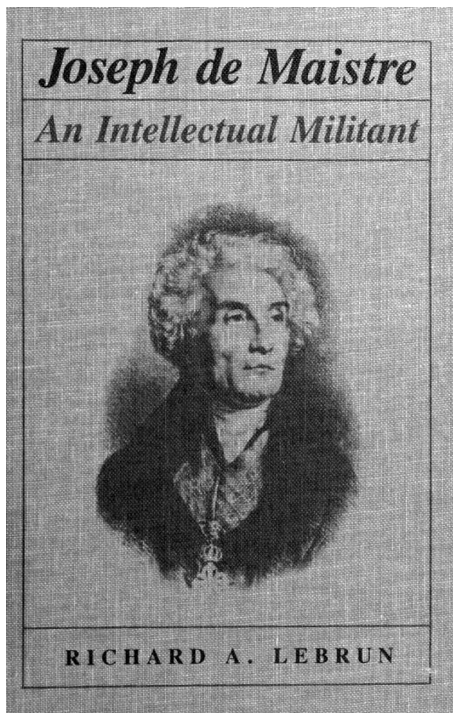
В том же введении к книге «Жозеф де Местр и наследие Просвещения» также отмечается, что «в значительной степени именно работа Триумфа послужила стимулом для Жана-Луи Дарселя, который всю жизнь занимался изучением де Местра, включая его собственную докторскую диссертацию (защищенную в 1984 г.), переговоры о доступе к документам де Местра, все еще находящимся в руках его потомков, а также основание и редактирование журнала *Revue des Etudes maistriennes*».

Оглядываясь назад, я думаю, что моя собственная научная деятельность по трудам Жозефа де Местра проходила по схожей траектории. Когда я писал «Трон и алтарь», то, не зная о враждебности Триумфа к де Местру, я, безусловно, осознавал пристрастный характер того, что было написано о нашем савойском графе, и, как и Дарсель, стремился дать более взвешенную оценку личности и трудам де Местра. Кроме того, я тоже договорился о доступе к ранее недоступным документам, в частности, к тем, которые хранятся у потомка Жозефа де Местра графа Жака де Местра в его замке Жири в 65 км к северо-западу от Парижа (и о разрешении снять копии документов на микроплёнку). Он также способствовал тому, чтобы я стал членом Института исследований де Местра в Шамбери. Его сотрудничество и поддержка были очень важны для написания биографии его предка, которая была озаглавлена «Жозеф де Местр: идеолог-воин» (McGill-Queen's University Press, 1988).

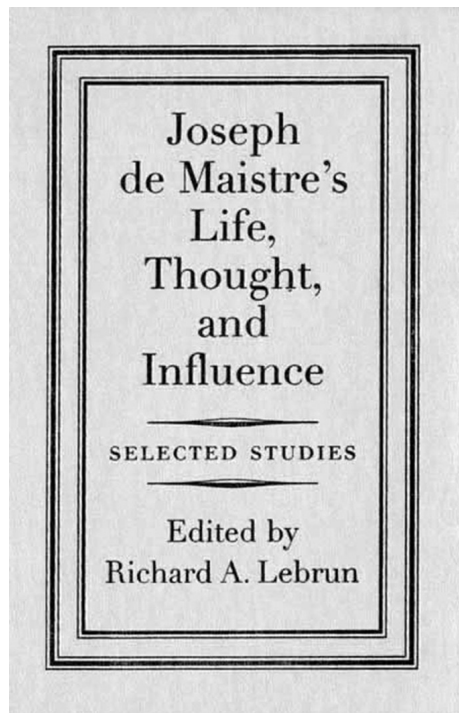
Здесь я должен вставить небольшую историю. В результате моего сотрудничества с Жаном-Луи Дарселем мое имя фигурировало в составе редакционной коллегии журнала *Revue* и в других изданиях в качестве казначея «Ассоциации друзей Жозефа и Ксавье де Мейстров»; в обоих случаях цель моего присутствия в списке, по-видимому, заключалась в том, чтобы показать международный характер организации. Я хорошо помню встречу в 2001 г. (во время коллоквиума по де Местру

Revue des Etudes Maistriennes
(«Обозрение Местровских исследований»),
№ 8 за 1983 г.

Обложка книги Ричарда Лебрёна
“Joseph de Maistre: An Intellectual Militant”
(«Жозеф де Местр: идеолог-воин»),
изданной в 1988 г.

Обложка сборника “Joseph de Maistre’s
Life, Thought, and Influence”
(«Жизнь, мысли и влияние Жозефа де
Местра»), изданного под редакцией
Ричарда Лебрёна в 2001 г.

в Шамбери) в доме Дарселя (в присутствии трех потомков Жозефа де Местра, чьи архивы с документами Жозефа де Местра теперь доступны исследователям) с целью роспуска «Ассоциации» (которая выполнила свою задачу). Жан-Луи объяснил, что я присутствовал на этом собрании, поскольку был казначеем «Ассоциации». Помню, как я пробормотал про себя: «В руках не держал ни су». На самом деле я не имел никакого непосредственного отношения ни к редактированию журнала, ни к деятельности «Ассоциации».

Если возвращаться к сути, то я рад, что шесть моих статей были приняты к публикации в *Revue des Études Maistriennes*, и что английские версии этих статей, а также мои английские переводы девяти других статей, напечатанных в *Revue*, были опубликованы в книге «Исследования де Местра» (University Press of America, 1988). Кроме того, в другой книге, «Жизнь, мысли и влияние Жозефа де Местра» (McGill-Queen’s University Press, 2001), я опубликовал свои английские версии семи статей, появившихся в *Revue des Études Maistriennes*. В целом, моя первая книга «Трон и алтарь: Политическая и религиозная мысль Жозефа де Местра» стала для меня началом плодотворной научной карьеры, связанной с написанием трудов о Жозефе де Местре и с переводом как его собственных сочинений, так и французских научных исследований о нем.

Ретроспективно я оцениваю научную ценность этой первой книги неоднозначно. Написанная на основе опубликованных работ де Местра (а также доступных вторичных работ о нем), но до получения доступа к семейным архивам де Местра, позволившего ученым составить гораздо более точное и объективное представление о его идеях, убеждениях, научных знаниях и взглядах, эта книга сегодня имеет

ограниченную ценность. Тем не менее, несмотря на наивность молодого автора и пробелы, которые были следствием отсутствия в то время доступа к архивам семьи де Местра, я считаю, что моя первая книга достаточно хорошо выдержала испытание временем; это была одна из первых книг докторского уровня, которая предлагала сбалансированный взгляд на взаимосвязь между политической и религиозной мыслью де Местра.

Если позволите, в качестве бонуса к разговору о моей первой книге я хотел бы предложить вам свою краткую оценку моей интеллектуальной биографии Жозефа де Местра 1988 г. Очевидно, что при написании этой книги мне помог доступ к материалам из семейных архивов де Местра. Они позволили проследить его биографию, образование и раннюю реакцию на интеллектуальное движение, которое мы сегодня называем Просвещением. Я смог также проследить его мнения о политических и религиозных течениях и событиях в десятилетия, предшествовавшие Великой французской революции, а также его реакцию на саму революцию, когда она, развиваясь во Франции, в конце концов затронула его самого сперва в Савойе, а затем в изгнании в Лозанне. Однако, оглядываясь назад, я понимаю, что ошибался, полагая, будто к моменту отъезда Жозефа де Местра на дипломатический пост в Санкт-Петербург в 1803 г. он уже принял решения по всем важным вопросам, которые его волновали.

Поэтому сейчас я признаю, что в отношении последней части жизни Жозефа де Местра, начиная примерно с 1803 г., биография, написанная мной, уступает прекрасному исследованию Каролины Арментерос «Идея истории: Жозеф де Местр и его наследники, 1794–1854» (Cornell University Press, Ithaca and London, 2011). Среди прочего она показала, как идеи и дальнейшие труды де Местра, созревшие за годы его пребывания в Санкт-Петербурге, дали последующим мыслителям, осознавшим исторический разрыв, вызванный Великой французской революцией, новые способы осмысления исторических изменений, которые оставили богатое наследие во французской социальной, политической, моральной и религиозной мысли.

В заключение я хотел бы порекомендовать новую книгу моего бразильского коллеги Мигеля Нанни Суареса. Португальский вариант книги сейчас находится в печати в одном из академических издательств Бразилии. Английский перевод книги (в настоящее время идет работа над ним) будет называться “Joseph de Maistre: A Catholic Humanist Interpreter of the French Revolution and Modernity” («Жозеф де Местр: Великая французская революция и Новое время глазами католика-гуманиста»). Данная книга, организованная не хронологически, а тематически, по моему мнению, предлагает убедительные доказательства и аргументы для новой и интересной интерпретации Жозефа де Местра. Мое участие в этом проекте заключается в анализе и вычитке чернового варианта английского перевода для того, чтобы на английском текст Мигеля читался так, как если бы он был написан человеком, для которого английский язык является родным. Я рассматриваю эту задачу как достойное завершение моей долгой карьеры исследователя работ де Местра, которая началась с книги «Трон и алтарь» около 60 лет назад. Я как ученый надеюсь прожить достаточно долго, чтобы увидеть на бумаге как португальскую, так и английскую версии книги Мигеля.

Х. М. Н. Суарес: Размышления о книге «Жозеф де Местр: Великая французская революция и Новое время глазами католика-гуманиста»⁶²

Для меня честь участвовать в этом Международном коллоквиуме, посвященном 270-летию со дня рождения Жозефа де Местра. Место проведения нельзя было выбрать более удачно, с учетом того влияния, которое Россия оказала на жизнь савойского графа, отвечавшего в равной мере — как в своей профессиональной

⁶² Перевод выполнил Никита Андреевич Мухин, преподаватель кафедры английского языка, кафедры перевода французского языка Переводческого факультета МГЛУ.

деятельности (в качестве посла лишившегося власти короля Сардинии-Пьемонта во время владычества Наполеона в Италии), так и в своих богатых и впечатляющих интеллектуальных трудах.

В этом отношении, пожалуй, лучшим свидетельством важности пребывания де Местра в имперской столице России остается высказывание современника сардинского дипломата, а именно — эрудированного апологета православия Александра Стурдзы, чье политическое противостояние с савойским графом напрямую повлияло на отъезд последнего из России. При этом политические разногласия не помешали ему восхвалять своего бывшего соперника в выражениях, свидетельствующих о возвышенном характере обоих мыслителей:

«Мне кажется, я до сих пор вижу перед собой того благородного старика, всегда идущего с высоко поднятой головой, увенчанной волосами, выбеленными как природой, так и капризом моды. Его широкий лоб, бледное лицо с чертами столь же паразитическими, как и его мысли, столь же сильными, как и несчастья в его жизни, его голубые глаза, наполовину потускневшие от глубоких и кропотливых занятий; и, наконец, завершенная элегантность его костюма, городская утонченность его языка и манер — все это образует в моем воображении некое оригинальное и приятное целое...

Месье де Местр был, без сомнения, самой выдающейся личностью тех времени и места, что выпали на нашу долю, я имею в виду двор императора Александра и время между 1807 и 1820 гг.

...Мы все затаивали дыхание, когда, сидя в кресле, с высоко поднятой головой, с большой зеленой лентой подвешенного на груди более религиозного, чем светского ордена святых Маврикия и Лазаря, граф де Местр предавался плавному течению своего красноречия, смеясь от всей души, споря с изяществом, оживляя беседу и управляя ею»⁶³.

Свидетельство российского дипломата румынского происхождения показывает, что, если, с одной стороны, потерявший власть сардинский король был совершенно лишен силы меча, то, с другой, — через своего чрезвычайного посланника в российской столице он не мог бы лучше воспользоваться силой духа, той силой, которая, как справедливо отметил Наполеон Бонапарт, движет миром даже больше, чем сила меча.

Хотя эти слова явно далеки от того, чтобы послужить окончательным ответом на сложный вопрос о влиянии де Местра в России, они, по крайней мере, свидетельствуют о том, что за время, проведенное савойским графом в имперской столице России, среди местных жителей сложилось яркое впечатление о нем. При этом они далеко не всегда помнили его незначительным «мистиком-материалистом», как представил его в своем спорном и неслучайном труде Робер Триумф.

Несмотря на большой интерес и важность темы восприятия личности де Местра петербуржцами, я, к сожалению, не имею права исследовать эту тему, поскольку не владею столь мелодичным языком Достоевского и Толстого. Вместо этого я коротко расскажу о своей книге, которая скоро выйдет в Бразилии и которая, если все пойдет хорошо, будет опубликована в английском переводе.

Книга под названием «Жозеф де Местр: Великая французская революция и Новое время глазами католика-гуманиста» родилась как докторская диссертация по истории, посвященная тому, как де Местр интерпретировал Французскую революцию. Она была защищена и одобрена в 2014 г. на факультете философии, литературы и гуманитарных наук Университета Сан-Паулу.

К моему приятному удивлению, от престижного бразильского академического издательства я получил предложение опубликовать диссертацию. Это заставило меня тщательно пересмотреть рукопись и разрешить некоторые вопросы, которые оказались на периферии в первоначальном варианте. Как только я получил от издателя готовый к печати PDF-файл с моим текстом, я без колебаний поделился им

⁶³ Стурдза А. С. Oeuvres Posthumes. 1859. Vol. 3. P. 170. (Пер. с фр. наш — прим. пер.)

с профессором Ричардом Лебрёном, который, помимо прочих достоинств, умеет читать по-португальски. Через несколько дней он прислал мне крайне положительную рецензию, а затем предложил помощь в переводе моей книги на английский. И, между прочим, именно по его «вине» я выступаю перед вами сегодня.

Прежде чем продолжить, я хотел бы обратить ваше внимание на еще одно любопытное, «казалось бы», совпадение в отношении де Местра (вернее, в отношении того, как в Латинской Америке изучаются его работы). Если можно так выразиться, я бы назвал это совпадение «провиденциальным».

Своим первым знакомством с Жозефом де Местром я обязан предложению замечательного профессора современной истории Модесто Флоренцано, итальянца, долгое время живущего в Бразилии. Этот бывший троцкист, вышедший на пенсию и ранее преподававший в Университете Сан-Паулу, был лучшим советчиком, какой только возможен у исследователя историографии Великой французской революции.

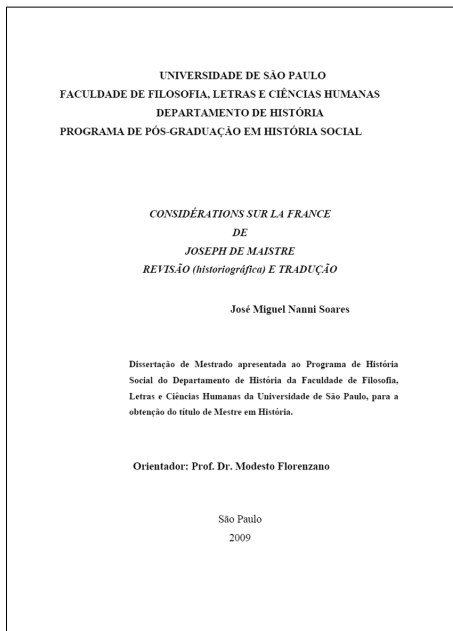
Помимо того, что этот ученый — прекрасный переводчик (таких авторов, как Токвиль, Покок, Л. Стоун и др.), он также является одним из главных бразильских истолкователей Берка и Токвиля. Его исторические исследования по Эдмунду Берку — одни из лучших на любом языке, но, к сожалению, доступ к его публикациям, изданным на португальском, остается привилегией в основном бразильских ученых, которые гордо продолжают игнорировать труды и учения Берка.

Несмотря на свое левое, прогрессистское мировоззрение, которое он никогда не скрывал и не отрицал, этот эрудированный профессор восхищался стилем и интеллектом де Местра, что ничуть не удивительно, учитывая, что, как справедливо отмечают в своих исследованиях Ричард Лебрён и Пьер Глод, стиль и мысль у де Местра неразделимы.

По предложению профессора Флоренцано в 2006 г. я начал магистерское исследование труда де Местра «Рассуждения о Франции», которое включало в себя его перевод (первый на португальский язык) и историографический обзор места, занимаемого этим знаменитым памфлетом де Местра в обширной и сложной историографии Великой французской революции.

В разгар работы над магистерским исследованием мне посчастливилось лично познакомиться с профессором Ричардом Лебрёном. Он приехал в Бразилию в 2007 г., чтобы выступить в качестве внешнего эксперта на защите докторской диссертации по теологии моего соотечественника Элсио Версоза Фильо, автора фундаментального исследования о Жозефе де Местре, которое в сокращенном виде представлено в вышедшей в 2011 г. под редакцией Ричарда Лебрёна и Каролины Арментерос книге «Жозеф де Местр и наследие Просвещения».

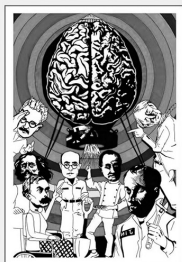
Результатом той незабываемой первой личной встречи с профессором Лебрёном, который, не дожидаясь просьбы, вручил мне две тяжелые сумки с библиографическими материалами по де Местру, стало приглашение принять участие в Пятом международном коллоквиуме по Жозефу де Местру, который состоялся в 2008 г.

Магистерское исследование
Хосе Мигеля Нанни Суареса,
посвященное «Рассуждениям о Франции»
Жозефа де Местра,
защищенное в Сан-Паулу в 2009 г.

JOSEPH DE MAISTRE AND HIS EUROPEAN READERS

FROM FRIEDRICH VON GENTZ
TO ISAIAH BERLIN

Edited by

CAROLINA ARMENTEROS & RICHARD A. LEBRUN

Series Editors: TERENCE BALL, JOHN LEONHARD & WYGER VELEMA

BRILL

Сборник "Joseph de Maistre
and his European readers"
(«Жозеф де Местр
и его европейские читатели»),
изданный в 2011 г.

в Кембриджском университете. На нем я представил последнюю главу своей магистерской работе — исследование о месте «Рассуждений» в историографии Великой французской революции. Позднее мой материал был опубликован под названием «Отзывы о „Рассуждениях о Франции“» в сборнике «Жозеф де Местр и его европейские читатели» под редакцией Каролины Арментерос и Ричарда Лебрена, который также вышел в 2011 г.

Заканчивая разговор о том, какая была для меня честь работать с Ричардом Лебреном, я хотел бы напомнить присутствующим здесь слушателям, что мое гражданство и мое сердце — бразильские (хотя я вполне претендую на гражданство Италии, этого прекрасного национального государства, объединению которого, как я отметил в своей диссертации, своей дипломатической деятельностью в России эффективно способствовал Жозеф де Местр, пусть и совершенно косвенно, отдаленно и ненамеренно). Но это не наша сегодняшняя тема. После окончания магистратуры я приступил к докторскому исследованию, которое уже не ограничивалось отдельным произведением де Местра. В нем я ставил своей целью создать целостное представление о том, как Жозеф де Местр видел Великую

французскую революцию. Его взгляды разбросаны по многочисленным сочинениям самого разного формата (официальные послания, мемуары, памфлеты, эссе, книги и даже некоторые рецензии).

Опираясь на опыт, накопленный мною как исследователем историографии Великой французской революции, я был достаточно убежден в том, что труды де Местра, несмотря на их опосредованный и полемический характер, содержали сложную и глубокую интерпретацию Великой французской революции, которая, что не удивляет внимательных и/или непредубежденных читателей графа, не ограничивалась провиденциалистским подходом «Рассуждений», принесших ему известность.

Однако известность, достигнутая этим провиденциалистским подходом, досталась дорогой ценой. Она вызвала посмертное осуждение видных профессиональных историков, отрицавших историографическую ценность этой интерпретации либо потому, что она не касалась социальных причин явления, либо потому, что она якобы не обращалась к отдаленным причинам, как это предписывала традиция, заложенная в эпоху Реставрации так называемыми первыми реальными историками Великой французской революции.

Чтобы развеять недоразумения и понять автора в его собственных терминах, что подразумевает признание того, что он не был ни профессиональным философом, ни профессиональным историком, я решил более глубоко рассмотреть связь, которую де Местр установил между янсенизмом — теологическим течением, родившимся в контексте Контрреформации, — протестантизмом и Великой французской революцией, тем более что некоторые прекрасные свежие историографические работы, появившиеся именно в контексте двухсотлетия Великой французской революции, проливают свет на эту тему.

Именно в таком духе я и начал новый проект.

Мое исследование разделено на три части. В первой из них отражен первоначальный замысел диссертации, заключающийся в том, чтобы изучить в богатых интеллектуальных трудах Жозефа де Местра все, что он написал по теме Великой французской революции, подчеркнув центральное место богословско-политической проблемы в его интерпретации, не упуская из виду ни лингвистический контекст, который неизменно важен в его текстах, ни то, на что указывали историки по этим вопросам.

Таким образом, первые три главы диссертации посвящены тому, что Жан-Луи Дарсель метко назвал связью Жозефа де Местра и Великой французской революции, то есть влиянию этого эпохального катаклизма на его жизнь, проявившемуся в интеллектуальной эволюции автора как выразителя Контрреволюции.

В этом исследовании, направленном на понимание того, как в трудах де Местра зародилось соотнесение Реформации и Великой французской революции, я не мог проигнорировать замечание, сделанное профессором Даррином МакМахоном в его блестящем исследовании «Враги Просвещения» (2002), а именно: в последние десятилетия XVIII в. в мире французской литературы уже распространилось контрпросветительское движение обвинений против протестантизма и янсенизма, и Жозеф де Местр явно был с ним знаком.

Отказавшись от гипотезы об оригинальности интерпретации де Местра, необходимо было рассмотреть ее через призму его своеобразия, что предполагало тщательное изучение его жизненного опыта (болезненная эмиграция на фоне проблемного рождения дочери, потеря безопасности, гражданского статуса и большей части имущества и т.д.), а также его культурных связей (контакты с кругом французских эмигрантов в Лозанне, дружеские отношения с видным контрреволюционным публицистом Малле дю Паном и краткий, но значительный контакт с Жерменой Неккер и т.д.).

Написание третьей главы, посвященной критике де Местра в адрес галликанизма и янсенизма, было особенно сложной задачей, поскольку в значительный временной промежуток между «Рассуждениями о протестантизме» и трудом «О галликанской церкви» савойский граф продолжал писать и размышлять о Великой французской революции в контексте как Консульства и Наполеоновской империи, так и Реставрации (недостатки которой он видел как никто другой), но почти всегда очень кратко и в ответ на конкретные обстоятельства.

Как показали исследования Ричарда Лебрёна и Жана-Ива Праншера, начало долгого пребывания Местра в России было отмечено определенным интеллектуальным переломом, который сместил акцент его идей с политической защиты монархии на защиту католицизма, и в основе этого смещения лежало рассмотрение эпистемологических вопросов.

Поскольку моя цель всегда заключалась в том, чтобы оставаться максимально верным пониманию автора в его собственных терминах, то я не мог ограничить свое исследование тем, что де Местр критикует лишь Великую французскую революцию. Необходимо было включить его рассуждения о современности, о Новом времени, или “Modernity”, причем слово “Modernity” понимается в его латинском этимологическом смысле наречия “mode”, которое является синонимом современности. В «Божественной комедии», например, мы до сих пор видим, как Данте говорит о “fogliette pur mo’ natte” (Purgatorio, VIII, 28). Даже сегодня слово “mo’” (сокращение от наречия “modo”) можно услышать на улицах Неаполя для выражения значения «сейчас». В качестве последней иллюстрации этого тезиса напомним, что программа курса «История Нового времени», подготовленная выдающимся историком Федерико Шабо — кстати, читателем де Местра!, — включала период с 1492 по 1945 г. Вся эту информацию можно найти в интересной книге профессора Джузеппе Галассо.

Таким образом, де Местр — критик не только Великой французской революции, но и прежде всего Нового времени, причем не в его нынешнем академическом понимании. Согласно большинству трактовок, Новое время закончилось

с Великой французской революцией (что знаменует начало новой исторической эпохи). Жозеф де Местр критикует Новое время, которое предшествует, объясняет, включает в себя Великую французскую революцию и продолжается после нее, простираясь до наших дней. Именно поэтому я решил оставить термин “Modernity” в названии своих диссертации и книги.

Во второй части диссертации/книги, озаглавленной «От Бэкона до Локка: критика Нового времени католиком-гуманистом», подчеркивается, что Французская революция была для де Местра лишь одним из проявлений огромной гидры, поскольку современная эпистемология Просвещения выступала объектом, на который направлялось его перо в той же или даже большей степени, чем на само революционное явление, при всех его последствиях, понимаемое им как необходимое логическое воплощение культурных основ этой философии.

Именно на этом этапе моего исследования, точнее, в ходе контекстуального анализа вопросов, рассматриваемых во второй части данного исследования, эти темы выявили несомненно гуманистическую направленность критики де Местра в адрес Нового времени, которое все больше приобретало характер материализма и научности.

Его критика не ограничивалась одним лишь феноменом Великой французской революции, но предвещала постоянные и беспрецедентные политические кризисы как в ближайшем, так и в отдаленном будущем. Хотя вопросы образования и/или предназначения и формирования человека (причем человека, наделенного онтологическим величием) неотделимы от католической апологетики риторики де Местра, очевидно, что они занимали центральное место в ряде произведений савойского графа, что и призвана продемонстрировать вторая часть исследования.

Тогда я понял, что пришел к тезису, который требуется доказать. Несмотря на всю сложность этой историографической работы по классификации, анализу и синтезу самых разных источников (самого де Местра, его современников и историографии), достоинство проведенной работы заключалось не столько в ее предполагаемой оригинальности, сколько в более подробном изложении, с чисто историографической точки зрения, данных, уже известных исследователям де Местра.

Однако по мере того, как я изучал теоретические основы неприятия де Местром эпистемологии Просвещения, мне становилось все более ясно, что этот человек был не только очередным представителем своего времени.

Перефразируя великого и прославленного историка (Джона Покока в отношении Американской революции, понимаемой как последний акт Ренессанса), я предлагаю рассматривать де Местра как позднего представителя гуманизма, появившегося в разгар богословско-политических столкновений Нового времени, кульминацией которых стал кризис европейского сознания, описанный Полем Азаром, и последующее Просвещение. Таким образом, Жозеф де Местр видится как последнее дитя гуманизма (разумеется, деятель глубоко христианский, но все еще гуманист).

Чем больше я углублялся в теоретические основы эпистемологической критики Просвещения, тем сильнее становилось мое убеждение, что и стиль, и содержание его реакции на Великую французскую революцию и Новое время в равной степени обязаны гуманистическому ядру его мысли, которое формировало риторику и диалектику.

Примечательно, что самая дорогая для Жозефа де Местра книга, «Санкт-петербургские вечера», написана в форме платоновского диалога. Для того чтобы «просветить» своих современных простодушных читателей (*simpliciores*) и опровергнуть представления Локка и ему подобных, де Местр решил написать не логическую дискурсивную философскую книгу, а диалектический философский дискурс в стиле лучших трудов классиков.

Здесь я также должен отметить, что крайне признателен исследователям трудов де Местра: Стефану Рияльсу, Элсио Версозе Фильо и Марку Фруадефону, чьи исследования оригенистских основ провиденциализма де Местра были чрезвычайно важны для моей работы. Кроме того, краткий, но очень важный материал Филиппа Бартеле о кембриджских платониках позволил мне установить связь между савойским графом

и платоническими (христианскими) гуманистами Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола.

Наконец, третья часть моей докторской диссертации отвечает необходимости прояснить, как его ультрамонтанизм и провиденциальное прочтение террора могут быть примирены с предполагаемой гуманистической перспективой. В этом смысле я могу только поблагодарить профессора Дугласа Хедли за его монументальную статью, представленную на Кембриджском коллоквиуме в 2008 г., которая была призвана пробудить в наших массово секуляризованных суждениях грандиозное видение человеческой судьбы, лежащее в основе местровской теодицеи.

Вдохновленный этой статьей, к которой возвращаюсь вновь и вновь, я попытался продемонстрировать, что яростная реакция де Местра на Великую французскую революцию и ее культурные предпосылки, влиятельными интерпретаторами ассоциируемая с политическими движениями XX в., которые по своей природе были тоталитарными и секуляризованными, на самом деле это — живая реакция гуманиста на то, что он видел как нормализацию анархии, насилия, войны, прекращение верховенства закона и, прежде всего, одурманивание человеческого интеллекта через освящение метода мышления, который онтологически унижает статус человека в космическом порядке, а не отчаянное и поспешное выступление неистового поборника «трона и алтаря».

Ни его яростная риторика, ни католическая апологетика, составляющая неотъемлемую часть его аргументации, не делают его врагом человечества и не умаляют его гуманизм. В противном случае мы были бы вынуждены исключить из радов гуманистов такую фигуру, как сэр Томас Мор, учитывая, что он, в отличие от де Местра, приговаривал людей к виселице за религиозные взгляды.

Я убежден, что именно это гуманистическое и рационалистическое ядро его мысли делает критикой его позиций столь затруднительной и позволяет в полной мере охарактеризовать его как *mécontemporain*⁶⁴, как назвал его Михаэль Кольхауэр, используя термин, который может предложить только прекрасный французский язык.

Местр был и остается, по сути, *mécontemporain*: контрреволюционер, критически настроенный по отношению к старой монархии, которому чужда теория заговора Баррюэля; католик, критикующий окказионализм, фидеизм и защищающий союз между верой и разумом; судья, лишенный полномочий во время революции, но выдавший *habeas corpus* заключенным, обвиненным в мятежной деятельности на Сардинии; администратор, который в духе коммерческого гуманизма Адама Смита был озабочен асимметричными отношениями в торговле, отношениями, которые, если их не контролировать, всегда будут вредить низшим классам в деревне и городе.

И ничто не может быть более несоответствующим времени, в котором он жил, чем его гуманистическое и рационалистическое неприятие «матери Природы» (той «госпожи», от чьего имени международные финансисты, поддерживаемые некоторыми представителями государства, грабят наши карманы) и «Разума», который сегодня сменил название на «Науку», и чей растущий и практически непререкаемый авторитет, приобретенный со времен Просвещения, вместо того, чтобы позволить человечеству полностью реализовать свою свободу, позволяет современным макиавеллевским государям в их просвещенном варварстве использовать более мощные механизмы контроля, а также социальной инженерии, о чем предупреждал Лео Штраус после де Местра.

Здесь я заканчиваю образ Местра, «смеющегося от всей души» при наблюдении за мозгами тех полоумных, которые верят, что миллиардер, сделавший себе имя как создатель компьютерных вирусов, а сегодня вкладывающий деньги в вакцины, «научно» одобренных и якобы безвредных «малярийных комаров», выпускаемых на населения целых стран без предупреждения и согласования, и все это при поддержке самой точной «науки», действительно работает на благо человечества.

⁶⁴ *Mécontemporain* — человек, недовольный временем, в котором живет (*прим. пер.*)

Учитывая эти реалии, выражающие «новую норму», наступившую с антиутопичной Великой перезагрузкой, я предпочел бы умереть вместе с «последним представителем гуманизма». Или, можно сказать, я предпочту быть *mécontent*. Как-никак я буду в хорошей компании.

Источники и литература

1. Актуальность Жозефа де Местра: материалы российско-французской конференции. М.: РГГУ, 2012. 256 с.
2. *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А.* Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52.
3. *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И.* «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166.
4. *Бердяев Н. А.* Новое Средневековье // *Бердяев Н. А.* Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 406–463.
5. *Бердяев Н.* Жозеф де Местр и масонство // Путь. 1926. № 4.
6. *Бердяев Н.* Философия неравенства. М., 1990.
7. *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. 2. 557 с.
8. *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 т. М., 1928. Т. 2.
9. *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 136–177.
10. *Гаврилов И. Б.* Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 2 (4). С. 131–191.
11. *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б.* Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48.
12. *Дегтярева М. И.* Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н. М. Карамзин // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 63–84.
13. *Дегтярева М. И.* Жозеф де Местр и его русские «собеседники». М.: Астер, 2004. 403 с.
14. *Дегтярева М. И.* Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России: дис. ... доктора философских наук. М., 2009. 321 с.
15. *Жихарев С. П.* Записки современника. Воспоминания старого театра: В 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. 311 с.
16. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.
17. *Марченко О. В.* Григорий Сковорода и Жозеф де Местр (об одном забытом сюжете) // Соловьевские исследования. 2014. № 4 (44). С. 124–141.
18. *М-ев П.* Жозеф де Местр и его политическая доктрина // Русский вестник. 1889. № 5–6.
19. Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 10–12.

20. *Местр Ж. де*. Петербургские письма. 1803–1817. СПб.: Инапресс, 1995. 334 с.
21. *Местр Ж. де*. Религия и нравы русских. СПб.: Владимир Даль, 2010. 184 с.
22. *Местр Ж. де*. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 1998.
23. *Местр Ж. де*. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 2016.
24. *Местр Ж. де*. Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб.: Владимир Даль, 2007. 298 с.
25. *Милюков П. Н.* О влиянии Ж. де Местра на Чаадаева // Русская мысль. 1895. № 12.
26. *Морошкин М. Я.* Иезуиты в России. С царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 2. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1870. 528 с.
27. ОР РНБ. Ф. 849 (Шебунин А. Н.). Д. 91.
28. *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. 193 с.
29. *Романчук А. А.* Перепутье: своевременные мысли Александра Стурдзы // Стурдза А. С. Размышления об учении и духе православной церкви. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 5–18.
30. *Сазонов Н.* Место России на Всемирной выставке // Полярная звезда на 1856 г. Лондон, 1856. Кн. 2. С. 239–241.
31. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 1864 стб., 43 с., 44 стб.
32. *Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б.* «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175.
33. *Соловьев В. С.* Жозеф де Местр. URL: http://yakov.works/library/18_s/solovyov/10_429.html (дата обращения: 15.01.2024).
34. *Соловьев В. С.* Славянофильство и его вырождение // Вестник Европы. 1889. Июнь, ноябрь, декабрь.
35. *Степанов М. [Шебунин А. Н.]* Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29–30. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 577–726.
36. *Стурдза А. С.* Oeuvres Posthumes. 1859. Vol. 3.
37. *Стурдза А. С.* Размышления об учении и духе Православной Церкви. СПб.: Нестор-История, 2015. 176 с.
38. *Ткаченко-Гильдебрандт В.* Жозеф де Местр — пламенный контрреволюционер начала XIX века // Местр Ж. де. Об отсрочке Божественного Правосудия в наказании виновных. СПб.: Алетейя, 2017. С. 5–20.
39. *Тургенев А.* Политическая проза. М., 1989.
40. *Фабр д'Оливе А.* Философская история Человеческого рода. СПб.: Алетейя, 2018.
41. *Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35.
42. *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.
43. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50.
44. *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л.: Сеятель, 1925. 232 с.

45. *Kochin M. S.* How Joseph de Maistre read Plato's "Laws" // *Polis*. 2019. Vol. 2. Iss. 1–2. P. 29–43.
46. *Lebrun R.* Les lectures de Joseph de Maistre d'après ses registres inédits // *Revue des Etudes Maistriennes*. 1985. № 9.
47. *Lescure M. de.* Le comte Joseph de Maistre et sa famille. Paris, 1893.
48. *Maistre J. de.* Du Pape. Lyon, 1819.
49. *Maistre J. de.* Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines. СПб., 1810.
50. *Maistre J. de.* Les soirées de St.-Petersbourg. P., 1821.
51. *Maistre J. de.* Oeuvres complètes. T. 2. Lyon, 1884; T. V. Lyon, 1886.
52. *Maistre J. de.* Œuvres, suivies d'un dictionnaire / Ed. par P. Glaudes. Paris, 2007.
53. *Maistre J. de.* Quatre chapitres inédits relatifs à la Russie. Paris, 1859.
54. *Reverdin O.* La religion de la cité platonicienne. Paris, 1945.
55. *Triomphe R.* Joseph de Maistre, étude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique. Genève: Droz, 1968.